

СНОВИДЕНИЯ
ЕХО

Вся правда
о нас



Сновидения Ехо

Макс Фрай

Вся правда о нас

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Фрай М.

Вся правда о нас / М. Фрай — «АСТ», 2015 — (Сновидения Ехо)

Следует признать, что в названии книги содержится некоторое преувеличение. Вся правда обо всех сразу в одну книгу просто не помещается. Но мы очень старались и рассказали столько правды, сколько смогли: о персонажах, о Море, о магии, о времени, о смерти и бессмертии, о проклятиях, об отчаянии и о любви. Результатом наших усилий стал удивительный эффект: прочитав эту книгу, читатель получит шанс узнать всю правду о себе. Кто-то сразу, кто-то – годы спустя, кто-то во сне, кто-то наяву. Но узнает непременно. Тем лучше: лишняя порция новых устрашающих знаний никогда не повредит. Книга публикуется в авторской редакции

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Фрай М., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	61
-----------------------------------	----

Макс Фрай

Вся правда о нас

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

– И дураку ясно, что путешествия в прошлое абсолютно невозможны, – сказала леди Сотофа. – Потому что никакого прошлого нет. Прошлое – это не тайная комната в подвале под Хуроном, куда при большом желании, ловкости и везении можно пробраться, а просто набор обстоятельств и событий, которые уже завершились, как закончилась камра в этом кувшине. Хороши мы будем, если попытаемся выпить её ещё раз! Нечего там пить, в кувшине пусто. Вот тебе и всё прошлое.

И швырнула кувшин на пол – видимо, для пущей наглядности. Впрочем, он не разбился, а просто исчез, так и не долетев до земли. Хорошо быть могущественной ведьмой, как ни безобразничай, а в доме всегда порядок. В смысле в садовой беседке, где леди Сотофа Ханемер обычно принимает гостей.

– Вот и мне примерно так кажется, – согласился я. – Поэтому все эти разговоры про Мост Времени натурально сводят меня с ума. С одной стороны, не могу же я вам не верить. То есть вообще-то могу, но подозревать, что вы выдумали Мост Времени специально, чтобы оставить меня в дураках, было бы совсем уж странно. А с другой стороны, я совершенно уверен, что идти по этому мосту некуда, потому что прошлого уже нет. И будущего нет – ещё. Время – это текущее мгновение, плюс память и воображение. И всё.

– Это так, – кивнула леди Сотофа. – Идти по Мосту Времени некуда, ты прав. Но некоторые всё же идут. И даже приходят куда, вернее, когда собирались, вот в чём штука. Как бы ты объяснил такой парадокс?

– Наваждение? – предположил я, чувствуя себя последним двоечником. – Галлюцинация, мираж, сон наяву?..

– Нет смысла продолжать, – отмахнулась она. – Холодно. И даже не забавно. Придумай что-нибудь ещё.

– Ладно. Например, существует почти бесконечное число реальностей, совершенно одинаковых во всём, кроме собственно хода времени. То есть каждая отстаёт от соседней на одну секунду. Или долю секунды – неважно. А мы болтаемся где-нибудь примерно посередине. И при определённой сноровке можно путешествовать между этими Мирами, перескакивая в очень далёкие – те, которые отстают от нас на тысячи лет. Или, напротив, опережают...

– Чегооо?! – переспросила леди Сотофа.

Судя по выражению её лица, она ушам своим не верила. Хотя, по идее, знает меня не первый год. И в принципе должна бы понимать, чего от меня можно ожидать.

– Значит, опять холодно, – вздохнул я. – Надеюсь, хотя бы забавно?

– Да не то слово. Бесконечное множество копий одной и той же реальности! И каждая отстаёт от соседней на долю секунды. Bravo, сэр Макс! Мне доводилось беседовать про Мост Времени с парой дюжин сумасшедших колдунов и тремя выдающимися математиками. Но никому из них не удалось додуматься до такого крошечного ужаса.

– Это ещё был не ужас, – скромно заметил я. – Вот если оставить меня наедине с этой темой дня этак на два, желательно в полном одиночестве и без срочной работы...

– Не уверена, что готова услышать, до чего ты способен додуматься в столь благоприятных обстоятельствах.

– Шансы, честно говоря, невелики. У меня, сами знаете, полон дом кошек, собак и чудовищ, при этом дня не проходит без вторжения какого-нибудь бывшего Мятежного Магистра, внезапно решившего пожелать мне хорошего вечера. И доброго утра заодно – если засидимся. В такой умиротворяющей обстановке довольно сложно додуматься до чего-нибудь по-настоящему ужасного. Что к лучшему. Потому что когда я начинаю слишком много думать, рано или поздно непременно додумываюсь до очередного конца Мира и начинаю панически сообщать, как бы его отме... Почему вы так на меня смотрите?

– Потому что горячо, – сказала леди Сотофа. – Очень горячо. Почти угадал.

Если бы она обрушила мне на голову крышу уютной садовой беседки, в которой мы так замечательно сидели, это был бы гораздо более милосердный поступок. Впрочем, чем-чем, а чрезмерным милосердием леди Сотофа Ханемер никогда особо не грешила. Нелепо было бы на него рассчитывать.

– Пройти по Мосту Времени – это и означает отменить Мир, – сказала она. – Пока ты стоишь на Мосту Времени, ничего, кроме тебя, нет. И не было, и не будет. Но если у тебя хватит воли и страсти, ты можешь заставить Мир снова начаться, причём с того самого момента, который тебя интересует. Пока ты настолько хозяин ситуации, назначить нужную дату совсем нетрудно, она – всего лишь одна из множества подробностей, которые остаются на твоё усмотрение. Потому что на твоё усмотрение – вообще всё. Именно так обстоят дела, сэр Макс, нравится тебе это, или нет.

– Вы хотите сказать, что Мир рушится всякий раз, когда очередной любитель приключений решает прогуляться по Мосту Времени? А потом снова рождается?

– Разумеется, я не хочу этого говорить. Потому что уже сказала. Глупо было бы продолжать хотеть сделать то, что уже сделано. В утешение тебе могу добавить, что таких, как ты выражаешься, любителей приключений на пальцах пары дюжин рук сосчитать можно. Ну, может быть, третья дюжина понадобится, если мы великодушно согласимся принять на веру совсем уж смутные легенды о подвигах древних магов, не сохранившие ни подробностей, ни имён.

– Пальцы трёх дюжин рук? И на совести каждого хотя бы одно разрушение Мира? С последующим его воссозданием? Ну ничего себе! Чокнуться можно.

– Напрасно ты так драматизируешь. Практика показывает, что нет ничего полезней для равновесия Мира, чем регулярные инъекции небытия. Мне доводилось видеть реальности, так и не породившие ни одного охотника бегать по Мосту Времени. Воздух там, на мой вкус, слишком густой и тяжёлый, дневной свет ослепляет, тьма способна свести с ума, материя жестка и неподатлива, а магия работает так медленно, что проще решить, будто её нет вовсе... Ладно. Я только и хотела сказать: не тревожься.

– После всего, что я услышал?!

– Именно. Просто так не тревожиться любой дурак может. А вот не тревожиться, став обладателем пугающей тебя информации – важнейшее из искусств.

Я невольно улыбнулся.

– Уже хорошо, – одобрительно кивнула леди Сотофа. – Не то чтобы я верю, будто ты так быстро успокоился, но попытка засчитывается, поскольку ценна сама по себе. А теперь выдыхай, сэр Макс. Я не сказала тебе самого главного: Мир исчезает только для того, кто ступил на Мост Времени. С точки зрения оставшихся дома, не происходит ничего из ряда вон выходящего. То есть будем честны, вообще ничего не происходит. Сама неоднократно оставалась и проверяла. А я, ты знаешь, дотошная.

– Тогда не сходится, – буркнул я.

Впрочем, с облегчением.

– Сходится, если предположить, что ступивший на Мост Времени отменяет не Мир, а себя в нём. Становится несуществующим, никогда не рождённым. А потом создаёт себя заново – когда пожелает. С точки зрения небытия нет не только прошлого и будущего, но и настоящего. Вообще ничего нет, кроме нашей воли, которая способна на всё, особенно если загнать её обладателя в угол. А Мост Времени – очень хороший угол. Там до любого сразу доходит, что «я не могу» означает «меня нет». В таких обстоятельствах мало кто станет упорствовать в немощи.

– Можно я немножко побьюсь головой об стенку? – вежливо спросил я. – Совсем чуть-чуть, до первой крови. Просто чтобы отвлечься.

– Лучше покури, – усмехнулась леди Сотофа. – Эффект тот же, а стены при этом целы. Хороший совет.

– Слушай, а зачем тебе вообще понадобилась информация про Мост Времени? – спросила она. – Если ты просто искал повод заглянуть в гости, тогда молодец, остроумное решение, под таким предлогом ко мне на кружку камры ещё никто не напрашивался. Хотя я тысячу раз говорила тебе, что нормального человеческого желания повидаться обычно вполне достаточно. А если...

Ох, нет!

У меня натурально в глазах потемнело от её невысказанного предположения, будто информация про Мост Времени понадобилась мне для дела. Только не это. Ну пожалуйста, дорогая моя судьба, не надо! Чего тебе стоит?

– Просто заметил, что эта тема очень меня пугает, – признался я. – Уши готов заткнуть, лишь бы не слушать, когда кто-то в очередной раз заговорит про Мост Времени. А это не дело – так сильно бояться. Я просто не могу позволить себе такой страх. И лучше бы победить его задолго до того, как у него появится хоть малейший шанс осуществиться.

– Хорошо, что ты это понимаешь.

– Обычно причиной страха становится невежество. Оно оставляет простор воображению, а с ним шутки плохи. По крайней мере, с моим. Поэтому я решил расспросить именно вас. Вы очень хорошо знаете, что такое Мост Времени. И совсем его не боитесь. Напротив, любите там гулять. Именно то, что надо, – так мне казалось.

– Ну и как, помогло? – сочувственно спросила леди Сотофа.

– Не знаю, – честно сказал я. – Прямо сейчас кажется, что стало только хуже. Но это как раз нормально, мне всегда нужно время, чтобы примириться с очередной порцией новой информации. Наверное, через полгода внезапно обнаружится, что я больше не вздрагиваю, услышав словосочетание «Мост Времени». Возможно, даже зеваю от скуки. Думаю: «Охота же людям говорить о такой ерунде! Подумаешь – какой-то дурацкий мост...»

– Аж через полгода? – рассмеялась она. – Ты себя недооцениваешь, сэр Макс! Будь я любительницей заключать пари, поставила бы на завтрашний вечер.

Когда леди Сотофа Ханемер берётся прогнозировать моё будущее, она кажется наивной оптимисткой. И поверить ей почти невозможно, сколько ни напоминай себе, что она всегда оказывается права.

И тут оказалась права, по крайней мере, отчасти: на следующий вечер я действительно зевал, да так, что скулы болели. Правда, не от скучных разговоров про Мост Времени, а по куда более естественным причинам: просто очень хотел спать. По досадному недоразумению тело моё при этом обреталось не в постели, а в холле гостиницы в самом центре Нумбаны, крупнейшего и богатейшего города Ландаанда, одной из провинций Соединённого Королевства.

Вместо того чтобы наслаждаться очевидными преимуществами такого положения, я томно сидел на табурете в изысканной позе подтаявшего на солнце студня. И чувствовал себя соответственно. И мыслил. И венцом могущества мне в тот момент казалось вовсе не умение

пересечь какой-то там дурацкий Мост Времени, а дивная мистическая способность сделать несколько дюжин шагов, отделявших меня от двери моего номера.

– Ну что, теперь тебе ясно, зачем нужны ярмарки? – спросил Нумминорих, бодро размахивая перед моим носом полуметровой копчёной колбасой, выигранной в так называемой «Обжорной лотерее», где билетами являются гигантские пироги с номерами, выложенными из ягод и орехов, причём, пока не съешь свой пирог целиком, приз не получишь, хоть из бабума в распорядителя стреляй. Но Нумминорих с пугающей лёгкостью преодолел это препятствие.

За пугающей лёгкостью – это вообще к нему. В любое время суток.

Вот и теперь, в финале долгого и чертовски утомительного дня, в голосе Нумминориха звучал неподдельный энтузиазм, способный вызвать справедливое негодование у любого нормального человека с трезвым взглядом на жизнь. Например, у меня.

Я не швырнул в него ближайшей табуреткой только потому, что вовсе не был уверен в своей способности её поднять. Первый же подход к снаряду мог оказаться последним героическим деянием моей бестолковой жизни: вся мебель в этой грешной гостинице была изготовлена из знаменитого ландаландского Каменного дерева, древесина которого считается самой тяжёлой в Мире и такой твёрдой, что практически не поддаётся обработке. Но когда это оставляло настоящих мастеров.

Поэтому я не стал кидаться мебелью, а заговорил человеческим голосом.

– Конечно. Ярмарки нужны затем, чтобы я полночи гнал, как бешеная собака, поутру отправился приятно проводить время в обществе нескольких тысяч орущих весельчаков, всегда готовых как следует пихнуть ближнего локтем в бок, а к вечеру озверел бы окончательно и устроил конец света. Уверен, именно с такой целью некий неведомый мне злодей и организовал в свое время этот кромешный ужас, который тут, в Нумбане, почему-то считается весёлой ярмаркой. Но я не намерен быть слепым орудием в чужих руках. А посему отправляюсь спать. И если ты сделаешь так, чтобы меня никто не беспокоил хотя бы часов десять кряду, я лично буду хлопотать перед Его Величеством о вручении тебе именного ордена за спасение Мира от разъяренного меня.

С этими словами я наконец сполз с табурета с твёрдым намерением немедленно отправиться в свою комнату, оставив Нумминориха восхищаться моим красноречием. Ну или, напротив, крутить пальцем у виска. У всякого, кого угораздило связаться со мной, всегда есть такой выбор.

Однако Нумминорих в любой ситуации пытается договориться. Даже с неодушевлёнными предметами вроде меня.

– Ты же сам захотел ехать сюда в амобилере, – укоризненно заметил он мне вслед. – Хотя я сразу предложил пройти Тёмным Путём и...

– И лишить меня ни с чем не сравнимого удовольствия полночи гнать, как бешеная собака? – возмутился я. – Ну уж нет!

– А ещё я предлагал тебе лечь поспать сразу после приезда, – напомнил он. – Ярмарка никуда не убежала бы.

Кстати, да. Он действительно предлагал. Но я и слушать не стал. Хлебнул бальзама Кахара и понёсся на эту грешную ярмарку – вот интересно, зачем? Нет ответа.

– Надо было не предлагать, а связывать меня по рукам и ногам и запирать в подвале, – проворчал я. – Так я вполне мог бы уснуть – просто от безвыходности. Заклинания, освобождающие от пут, я, будешь смеяться, до сих пор не вызубрил; строго говоря, даже не знаю, есть ли такие.

– Конечно, есть, – заверил меня Нумминорих. – Целая куча! Вот сразу видно, что у тебя детство не в Ехо прошло, и ты в «Догони-свяжи Магистра» ни разу не играл. Взрослым-то подобные фокусы уже как бы и ни к чему, нас такой ерундой, как верёвки, обычно не связывают.

Зная Нумминориха, я не сомневался, что, дай ему волю, он тут же примется обстоятельно объяснять мне правила, а полчаса спустя как-то внезапно окажется, что мы уже подняли на ноги всех гостиничных постояльцев, разбились на команды и начали играть – причём только для того, чтобы я как можно лучше понял его объяснения.

Ну уж нет.

– Давай я всё-таки пойду спать, – предложил я. – И всем будет хорошо. Особенно мне.

– Ой, конечно, иди, – спохватился Нумминорих. – Извини, пожалуйста. Просто я огорчился, что тебе не понравилась ярмарка.

– Да с чего ты взял? – изумился я.

– С твоих слов.

– Нашёл кого слушать.

– Но...

– Просто так моё сознание защищается от переизбытка впечатлений, – объяснил я. – Прикидывается, будто оно всем недовольно. А это всего-то и означает, что у меня просто больше нет сил радоваться и удивляться. Прости. В голову не пришло, что я могу быть убедителен в этом амплуа.

– Более чем, – заверил меня Нумминорих.

Ну да. Я чертовски талантливый трагик. Нельзя об этом забывать.

Что обычно делает нормальный человек, не спавший двое с лишним суток, донельзя утомлённый долгой дорогой и новыми впечатлениями, добравшись наконец до постели? Правильный ответ: падает и засыпает.

Но только при одном условии: если этот человек – не я.

Потому что я в такой ситуации сперва действительно падаю на постель и лежу очень долго, целых пятнадцать секунд. А может быть, даже двадцать. Лежу и разглядываю синий потолок, расписанный жёлтыми репами и белыми звёздами – не потому, что зрелище так уж прекрасно, просто у меня нет сил закрыть глаза. Да и особого смысла в этом действии нет, поскольку, отдав должное потолочной росписи, я с душераздирающим стоном привожу своё бедное тело в вертикальное положение и заставляю его сделать очередной шаг. Правда, всего один. Для того, чтобы оказаться дома, этого совершенно достаточно.

Главная драма моей жизни на сегодняшний день состоит в том, что я научился ходить Тёмным Путём. То есть сам-то по себе фокус чрезвычайно полезный, даже не представляю, как прежде без него обходился. Чего не следовало делать ни в коем случае, так это хвастаться своим новым умением всем подряд. Потому что теперь, с точки зрения этих самых всех, служебная командировка в Ландаланд – да хоть на край Мира – совершенно не повод забить на все остальные дела. «Ну так зайдёшь на полчаса Тёмным Путём, тебе же не трудно», – в один голос твердят мои ближние, коварные злодеи и безжалостные мучители, все как один.

Я всегда умел тщательно подбирать окружение, этого у меня не отнять.

Коварные злодеи и безжалостные мучители, разумеется, уже поджидали меня в засаде. В смысле в гостиной Мохнатого Дома. Затаились там в удобных креслах и ржали так, что стены ходуном ходили – не то от переизбытка злодейства, не то просто для привлечения внимания. В злодейской психологии я до сих пор не шибко силён.

Председательствовал в этом собрании сэр Джуффин Халли, главный виновник моих страданий. В смысле это была его идея – приятно провести вечер в моей гостиной именно сегодня, не дожидаясь окончания нашей с Нумминорихом служебной командировки. Не то чтобы он силой и угрозами заставлял меня проявлять гостеприимство, просто я ещё очень хорошо помню те времена, когда заполучить Джуффина в гости было практически невоз-

можно. И всякое его появление в своём доме до сих воспринимаю как чудо – даром, что чудеса такого рода случаются теперь чуть ли не через день.

Чтобы было не так скучно меня дожидаться, Джуффин прихватил с собой сэра Кофу Йоха и Мелифаро. Очень удачный, я считаю, набор. Хотя бы потому, что длинное землисто-бурое лоохи из грубой шерсти, надетое Кофой специально для посещения какого-нибудь безымянного трактира, где режутся в карты высшие чины Канцелярии Больших Денег, ловко замаскировавшиеся под окрестных фермеров, служит совершенно изумительным фоном для охапки полупрозрачных блестящих тряпок, в которые закутан сэр Мелифаро. Подозреваю, бедняга уже и сам не рад, что вменил себе в обязанность исполнение всех требований столичной моды, которая в последнее время как с цепи сорвалась, словно все уцелевшие мятежные Магистры давным-давно разогнанных Орденов тайно вернулись в Ехо и открыли портновские мастерские, чтобы поквитаться за свою загубленную жизнь со всеми нами сразу. Если так, месть их, безусловно, удалась.

Но Мелифаро держится стойко. Он вообще очень мужественный человек, хотя с виду, конечно, не скажешь – пока не разденется.

Если по уму, с ними или даже вместо них здесь сейчас должна была бы сидеть страшно истосковавшаяся по мне за истекшие сутки леди Меламори. Но где это видано, чтобы у нас хоть что-то делалось по уму. Меламори отнеслась к моему отъезду с огромным энтузиазмом. Для неё всякая моя отлучка – дополнительная счастливая возможность запереться дома и, не отвлекаясь на всякую ерунду вроде свиданий и вечеринок, предаться своему любимому занятию. В смысле превращения в какую-нибудь очередную пакость. Собственно, я даже знаю, в какую именно. После того, как сэр Шурф подарил Меламори отлично сохранившийся экземпляр старинной «Энциклопедии устрашающих созданий», она натурально влюбилась в зелёного Муррийского Демона Гнева, существо мифическое, но оттого ничуть не менее привлекательное. Этого следовало ожидать, Меламори романтична и впечатлительна, а у Муррийского демона одних только огромных лиловых глаз несколько дюжин. И каждый окружён тонкими ядовитыми шипами, похожими на длинные ресницы. Арварохский хуб, в которого Меламори недавно выучилась превращаться, ни в какое сравнение с этой пусечкой не идёт.

Не могу сказать, что я в таком уж восторге от её нового увлечения, но не готов становиться между человеком и его сокровенной мечтой. Во-первых, для этого я слишком уважаю чужую свободу воли, а во-вторых, жизнь мне пока дорога.

В общем, Меламори в гостиной не было. Зато рядом с Джуффином сидела Базилио. И правильно делала, что сидела. Мало что приносит столько пользы и удовольствия неопытным юным барышням, как возможность коротать вечера в обществе взрослых, состоявшихся злодеев. В этом смысле жизнь Базилио удалась окончательно и бесповоротно, причём с самого первого её дня, когда наша общая любимица была ещё не долговязой рыжей девицей, а ужасающей химерой с головой индюка. Вот что значит счастливая судьба! А что наряды ей теперь помогает выбирать сэр Мелифаро – ну так всякая палка о двух концах. К тому же, женская мода у нас гораздо консервативней мужской, поэтому результат их совместных походов по модным лавкам пока выглядит ненамного хуже, чем индюшачья голова.

Честно. Совсем ненамного.

Ржали присутствующие, впрочем, не над нарядами друг друга, что было бы по-человечески понятно, а над отрывками из студенческих сочинений, которые зачитывал им Дримарондо.

– «Из кровавых ран взбесившегося от неконтролируемой магии общества ключом фонтанировала поэзия», – декламировал он, выплюнув из пасти карандаш, которым делал пометки. – Или вот, ещё лучше: «Возвысившись духом над бессмысленной схваткой, не всякому поэту удавалось уберечь от неё своё брненное тело». Каково?!

На мой взгляд, прилюдно насмехаться над собственными студентами некрасиво. Да и неразумно, поскольку все их ошибки – это, в первую очередь, твой личный педагогический

провал. Но собакам я готов прощать гораздо больше, чем людям. Даже говорящим собакам, читающим лекции в Королевском Университете, – просто потому, что у них смешные мохнатые уши, хвосты бубликом и трогательные мокрые носы. Ни один человек не может похвастаться таким набором ключей к моему сердцу.

Да, я несправедлив. Как сама жизнь.

Вся эта тёплая компания так замечательно проводила время, что я показался себе совершенно необязательным излишеством, вроде декоративной карликовой пумбы в причёске ярмарочного фокусника, созерцать выступление которого меня нынче вынудили обстоятельства. Они и заметили-то меня далеко не сразу. Но, заметив, тут же перестали веселиться. Даже мой пёс Друппи, законченный балбес и оптимист, хуже Нумминориха, вопреки обыкновению, не стал набрасываться на меня с восторженным лаем, а лёг на пол и жалобно заскулил. Видимо, я представлял собой совершенно душераздирающее зрелище. Хорошо всё-таки, что у меня в гостиной нет зеркал. Я сам когда-то велел их убрать. Как знал, что однажды это спасёт мне рассудок.

– У тебя что-то случилось? – наконец спросил Джуффин.

– Ничего такого, что могло бы тебя профессионально заинтересовать. Просто ненавижу всё живое.

– Вообще всё живое? Или только проявляющее избыточную активность? – деловито спросил Дримарондо.

Как и положено бывшему дворовому псу, чьё благополучие долгое время зависело от непредсказуемого настроения хозяев, он очень внимателен к нюансам.

– Вообще всё, – подумав, честно ответил я. – Но я слишком рад всех вас видеть, чтобы затевать драку. Так что прятаться от меня в чулан совершенно ни к чему.

– Это большое облегчение, – серьёзно кивнул Дримарондо.

– Бальзама Кахара дайте кто-нибудь! – потребовал я, падая в кресло. – А если не поможет, похороните меня, пожалуйста, без почестей. Сил моих нет ещё и этот ужас напоследок терпеть. Впрочем, сэр Мелифаро может лично заняться обивкой гроба. Надеюсь, это поднимет всем настроение.

Мелифаро молча кивнул, даже не потрудившись улыбнуться, из чего я сделал вывод, что выгляжу ещё хуже, чем себя чувствую.

Каким-то образом у меня в руках появились сразу две рюмки тонизирующего напитка. И едва початая бутылка – на столе, прямо перед моим носом. Что я действительно умею, так это качественно воззвать к милосердию.

– А с чего вдруг такие страдания? – нетерпеливо спросил Джуффин после того, как я опустошил одну из рюмок, а вторую, поколебавшись, поставил обратно на стол. Пока достаточно.

– Просто зверски устал, – объяснил я.

– От посещения ярмарки?

– Ну, можно и так сказать. Хотя справедливости ради следует признать, что ярмарка просто стала последней каплей. Помнишь, как вчера на рассвете я похвалялся благоразумным намерением пойти домой, чтобы как следует выспаться перед поездкой? Так вот, ни хрена из этой затеи не вышло. По дороге меня перехватил Малдо, утащил в свой Дворец Ста Чудес, запер там в тёмной комнате и велел вспоминать полёт над Великой Красной Пустыней на пузыре Буурахри. Я, конечно, сам виноват, наобещал ему с три короба, а теперь расплачиваюсь, потому что больше всего на свете боюсь художников. Очень уж легко их брата обидеть, проще, чем коту на хвост наступить. Я даже отметить успешное завершение совместной работы согласился, вот как он меня затюкал. Затем и нужны человеку друзья, чтобы довести его до цугундера!

– Ты и сам неплохо справляешься, – заверил меня Джуффин.

– Да, но помощь – это всегда приятно. А вчера в этом смысле был какой-то особенно удачный день. Думаешь, посиделки с Малдо – это всё? Как же! Из цепких лап гения меня вырвала леди Сотофа. Заперла в своей садовой беседке и рассказывала такие страшные вещи, что я даже несколько взбодрился. Это оказалось весьма кстати, потому что в тёмной чаще их Орденского сада меня уже поджидал сэр Шурф. И, как ты понимаешь, вовсе не для того, чтобы спеть мне колыбельную. А с гнусной целью накормить и научить становиться невидимым; первое у него получилось блестяще, зато второе, будем честны, не очень. Это его совершенно окрылило, потому что в последнее время бедняге не так уж часто удаётся всласть надо мной поизмываться. И вдруг такая неожиданная удача – я снова непрошибаемо туп и, как в старые добрые времена, обаятельно скалюсь вместо того, чтобы следовать инструкции. И можно обрушивать на мою пустую башку длинные цитаты из сочинений всех мёртвых философов этого Мира поочерёдно – в воспитательных целях и просто для собственного удовольствия. Как следствие, что было дальше, я помню смутно. Ночь, огни, пляска теней на каменной стене, безумный демонический хохот – подозреваю, что мой – и вдруг посреди всего этого веселья у меня в голове появляется Нумминорих и говорит, что нам уже пора ехать. А я стоворчивый, пора – значит пора. Встряхнулся, вернул себе первоначальный облик, без вот этой кошмарной полупрозрачности рук и ног, вежливо попрощался со своим истязателем, сел в амобилер и поехал.

– Именно поехал? Вместо того, чтобы отправиться в Нумбану Тёмным Путём? – недоверчиво переспросил Джуффин.

– Ха. А то ты сомневался.

– Скорее, наивно надеялся, что за последние годы ты обзавёлся хоть каким-то подобием здравого смысла. Ладно, сам понимаю, что зря.

– Да проблема, собственно, не в поездке. Отлично прокатились. Будь моя воля, гнал бы, не останавливаясь, до самого графства Вук. Очень я по этому делу соскучился. А вот не заваляться спать сразу по приезду – это действительно была плохая идея. Но я опасался, что хитрюга Нумминорих найдёт ярмарочного пророка без меня и сам во всём быстренько разберётся. И никто не будет сбивать его с толку, отдавая сладкий миг прозрения. А так дела не делаются. Талантливой молодёжи ничего не должно даваться легко. Кто ж знал, что сегодня никакого пророка на ярмарке не будет? Только рассказов о его художествах наслушались. Но без них я как раз вполне мог бы обойтись.

– Что-нибудь новенькое выяснили? – оживился сэр Кофа, до сих пор делавший вид, будто во всём Мире нет предмета более достойного внимания, чем его курительная трубка.

– Принципиально – ничего. Всё, как вам рассказывали: человек заходит в палатку, а минуту спустя возвращается совершенно потрясённый. Бормочет что-то глубокомысленное, вроде: «Теперь всё понятно», «Ну надо же», «Кто бы мог подумать!» – и уходит в золотую даль. Или просто домой, это уж кому как сподручней...

– Подробности, – нетерпеливо перебил меня Кофа. – Ты, хвала Магистрам, не первый день в Тайном Сыске. И прекрасно знаешь, что именно я хочу от тебя услышать. Как часто появляется палатка Правдивого Пророка? Всегда ли в одном и том же месте? Как он выглядит? Возможно, для всех по-разному? Какую плату берёт за сеанс? Хоть кто-нибудь рассказал другим, что услышал от пророка? Может быть, есть свидетели того, как вели себя эти люди, вернувшись домой? И так далее.

– Нашли у кого спрашивать, – фыркнул Мелифаро. – Готов спорить на что угодно, этот гений сейчас не вспомнит даже как был одет его спутник. А вы с чего-то решили, будто он внезапно обрёл дивную способность слушать других людей и запоминать, что они говорят.

– Возможно, я действительно жду слишком многого, – меланхолично согласился Кофа.

Один – ноль в их пользу. В смысле я и правда понятия не имею, как сегодня был одет Нумминорих. Но совершенно уверен, что он не ходил по ярмарке голым, в противном слу-

чае нам досталось бы гораздо больше внимания. Люди любят пялиться на голых, не знаю уж почему.

Но говорить это вслух я, конечно, не стал. Зачем публично признавать свои слабости, если вместо этого можно обаятельно ухмыльнуться и ласково сказать обидчикам:

– Сами виноваты, что отказались составить нам компанию. А ведь я предлагал вам обоим. Сулил божественную тряску на ухабах ландаландских дорог, тревожный совместный сон на деревенском сеновале, экстатические закупки сушёной репы за казённый счёт, участие в весёлом конкурсе на самое быстрое раздевание и доверительные личные беседы со свидетелями Нумбанского пророка, всё как вы любите. Но вы не поддались искушению, кусайте теперь локти.

– Я-то как раз вполне поддался, – возразил Мелифаро. – Но присутствующее здесь начальство любезно решило, что заниматься делом о пропавшем куанкурохском математике должен человек, способный расшифровать его дорожный дневник, где каждому впечатлению и происшествию соответствует формула, описывающая внутреннюю логику события. И этот удивительный человек у нас, к сожалению, я. Третий день бьюсь над грешными заметками, а разобрал едва ли четверть; впрочем, даже в этих фрагментах меня пока смущают значения некоторых переменных...

– Ну и влип же ты, – посочувствовал я. – Сам виноват, не следовало так хорошо учиться в школе. Всегда знал, что скверная успеваемость по математике – ключ к счастливой и беззаботной жизни, до краёв заполненной музыкой, вином, сушёной репой и другими радостями бытия.

– На самом деле я не жалеюсь, а хвастаюсь, – сухо заметил он. – Вечно забываю, что ты не способен оценить чистый восторг интеллектуального труда.

– Да, – смиренно согласился я, – ты прав, прости. Для меня самого интеллектуальный труд – просто суровая повседневность. Но мне, конечно, следовало бы с большим сочувствием относиться к твоим первым шагам на этом поприще.

Мелифаро адресовал мне взгляд, который при всём желании трудно назвать дружелюбным. Ему со мной вообще нелегко: бить меня строго-настрого запрещают служебные инструкции, нарушать которые в присутствии чрезвычайно довольного нашей перепалкой начальства было бы несколько некорректно. А руки-то чешутся, это я и сам понимаю. Да так сильно, что мешают быстро сформулировать достойный ответ.

Но тут ему на помощь пришёл сэр Кофа.

– Признавайся, сэр Макс, с кем и на какую сумму ты поспорил, что доведёшь меня до состояния священной боевой ярости? – осведомился он. – Имей в виду, ты уже буквально в одном шаге от выигрыша. Ничего не имею против бессмысленной болтовни, но только не в тот момент, когда я жду конкретных ответов на свои вопросы.

Я надменно вздёрнул подбородок, но пререкаться не стал. На Кофу в состоянии священной боевой ярости я бы, честно говоря, посмотрел, когда ещё доведётся. Но тому, кто внезапно восстал из пепла при помощи волшебных снадобий, следует осознавать, что это удовольствие может закончиться буквально в любой момент. И хорошо бы успеть поговорить о деле прежде, чем от моей способности строить связные предложения снова останутся дымящиеся руины.

– Ладно, Магистры с вами, слушайте. Палатка появляется примерно раз в два-три дня, причём не на одном и том же месте, а в разных, так что торговцы теперь постоянно заключают пари, где её в следующий раз увидят. Я лично говорил с беднягой, уже проспорившим на этом деле четыре мешка грульвы. Зря ржёте, между прочим, грульву в Нумбану везут аж из Гугланда; к тому же, в конце зимы она сильно дорожает, так что четыре мешка – это вполне серьёзный ущерб.

– Приятно убедиться, что ты способен столь глубоко вникнуть в ситуацию на рынке сельскохозяйственной продукции, – похвалил меня Кофа. – Но имей в виду, новый Нумбанский

пророк интересует меня несколько больше, чем сезонные цены на грульву. Поэтому, если тебя не затруднит...

– Не затруднит, – великодушно согласился я. – Поехали дальше. По свидетельствам нескольких дюжин очевидцев, пророк выглядит как немолодой загорелый темноглазый мужчина. Одет, как большинство ландаландцев в это время года – длинное тёплое лоохи, под ним короткая скаба и зимние штаны. Но при этом волосы у него отчётливо зеленоватые, как у некоторых уроженцев островов Банум и заплетены в косу, как у сэра Манги.

– Никогда не предполагал, что папа станет законодателем моды, но, похоже, к тому идёт, – внезапно оживился Мелифаро. – Всё больше мужчин отращивают волосы и заплетают их в косы. Вот и до Ландаланда уже докатилось это поветрие. Видимо, оно как-то связано с постепенным отказом от повседневного ношения тюрбанов?..

Сэр Кофа пресёк его вдохновенный монолог одним ласковым взглядом. Тоже небось Белая магия двести какой-нибудь с хреном ступени. Вот чему надо было учиться в первую очередь вместо всех этих дурацких фокусов.

– На чём мы остановились? – спросил я.

– На косе пророка, – подсказала Базилио, всегда готовая прийти на помощь в самый нужный момент.

– Да, точно. Спасибо, друг. Так вот, коса у этого типа зелёная, почти до пояса, так говорят. Все описания его внешности, которые нам довелось услышать, примерно сходятся – это ответ на ещё один из ваших вопросов, Кофа.

– Я так и понял, – кивнул тот.

– Зато расходятся сведения о расценках на его услуги. Некоторые утверждают, будто пророк вовсе не берёт платы, другие говорят, что он охотно обменивает пророчества на еду, третьи ссылаются на знакомых знакомых знакомых, с которых якобы содрали целую корону. В общем, в этом вопросе единодушия нет.

– Обычное дело, – заметил Джуффин. – В старые времена ни один наёмный колдун, начиная с уличных шарлатанов и заканчивая знаменитостями вроде Табби Махина, Мастера Устроителя Судеб, не работал по фиксированным ценам. Всякий раз сумма назначалась заново, причем в зависимости не столько от сложности работы, сколько от финансовых возможностей клиента, отношений его прадеда с троюродной бабкой исполнителя, текущего курса короны Соединённого Королевства к Куманской унции, погоды за окном и, конечно же, настроения. Скажу тебе больше, единый прейскурант сразу выдавал дилетанта – какой он, к Тёмным Магистрам, колдун, если не способен определить на глаз, с кого сколько можно содрать? К такому ни один здравомыслящий человек не пошёл бы.

– Ну надо же, какие сложности, – вздохнул я. – Хорошо, что я – не уличный шарлатан.

– Да, это нам всем крупно повезло, – подтвердил Мелифаро.

– Ещё хоть что-то путное расскажешь? – спросил Кофа. Да так сердито, словно это я сам себя перебивал.

– «Путное» – это сплетни? Ладно, слушайте. Говорят, некий пожилой господин, судя по одежде, из уриуландских рыбаков, вышел из палатки, бормоча: «Так вот почему он не захотел возвращаться!» А одна женщина, местная, по крайней мере, многие торговцы с ней знакомы и называют «тётушка Укки», торжествующе воскликнула: «Значит, я всё правильно делаю!» – но вдаваться в подробности наотрез отказалась. Ещё мы слышали о девочке-подростке, которая после встречи с Правдивым Пророком громко говорила отцу: «Теперь-то уж точно поеду!» О какой именно поездке шла речь, тоже неизвестно. Но на этом всё. И не потому что мы с Нумминорихом плохие сборщики сплетен. Мы – отличные! С таким количеством незнакомцев, как сегодня, я за всю свою жизнь не трепался. И это при том, что основную часть работы проделал Нумминорих, а он в роли простодушного столичного болтуна, всегда готового оплатить чужую выпивку, совершенно неподражаем. Штука в том, что обычно люди выходят от этого грешного

пророка в столь глубокой задумчивости, что даже близким ничего не говорят. Один фермер жаловался нам на жену – как подменили человека, четвёртый день кряду молчит. И улыбается при этом так мечтательно, что даже ссору затеять язык не поворачивается, хотя очень хочется, просто чтобы услышать от неё привычное «ах ты старый дурак» и успокоиться.

– Ну, всё-таки чуть больше, чем ничего, – задумчиво сказал Кофа. – Теперь у нас есть некоторые основания думать, что нумбанский Правдивый Пророк действительно говорит людям если не всю правду о них, как обещает его вывеска, то нечто более-менее на неё похожее, и его слова глубоко задевают людей. И ещё ясно, что в большинстве случаев эта «вся правда», как минимум, не ужасна. Ну, если уж никого не видели рыдающим на пороге палатки, если до сих пор не поползли слухи о слезах, скандалах, душераздирающих семейных сценах и, да хранят нас Тёмные Магистры, самоубийствах. Уже неплохо. Ты меня более-менее успокоил.

– А меня – скорее наоборот, – мечтательно протянул Джуффин.

Мы дружно уставились на него. Общая сумма выражений наших лиц, я думаю, была тождественна восклицанию «здравствуй, жопа, новый год». Но вслух никто ничего подобного, конечно же, не сказал. Так бы и сверлили его вопросительными взорами до рассвета, но ситуацию спасла Базилио, которая, не дождавшись дальнейших объяснений, простодушно спросила:

– А почему вас беспокоит, что никто не плачет и не скандалит?

– Ну, во-первых, потому, что я – злодей, каких мало, – ухмыльнулся Джуффин. – А как ты думаешь, кто научил сэра Макса ненавидеть всё живое?

– Это шутка, – поспешно сказал я нахмурившейся Базилио. – Ты уже сто раз от нас такие слышала, пора бы и привыкнуть.

– Да, наверное, – согласилась она. – Но порой слова, которые я по сложившейся традиции принимаю за шутку, внезапно оказываются сказанными всерьёз. Хотя произносятся с той же интонацией и, по первому впечатлению, противоречат фактам и здравому смыслу. Иногда вас бывает очень трудно понять! Поэтому приходится хотя бы теоретически допускать все возможные варианты толкования, какие только приходят в голову.

– Очень разумный подход, – похвалил её Кофа.

– ...а во-вторых, – как ни в чём не бывало продолжил Джуффин, – если бы ярмарочный пророк доводил людей до слёз, скандалов и самоубийств, это было бы довольно неприятно, зато очень знакомо. И сразу ясно, как в связи с этим действовать. А так – поди ещё пойми, зачем ему всё это надо. Ощутил себя обладателем сокровенного знания и решил облагодетельствовать человечество, заодно заработав на новенький амобилер? Или вынужден пророчествовать ради собственного блага, потому что иначе у бедняги раскалывается голова? Обычное дело, между прочим, большинство пророков только потому и вошли в историю, что физически не могли молчать... Или, как сразу предположил сэр Макс, этот человек просто спит у себя дома и видит приятные сны о том, какой он великий мудрец, наставляющий на путь истинный всех, кто под руку подвернётся? Или он – учёный, сдуру затеявший психологический эксперимент на живых людях? Или умеренно остроумный шутник? Или амбициозный маньяк, вообразивший себя тайным властелином Мира и теперь изменяющий его по своему вкусу, тщательно продуманными пророчествами перенаправляя векторы отдельных человеческих судеб в желанную ему сторону?.. Кстати, совершенно напрасно вы все так недоверчиво кривитесь. Ясно, что за несколько сеансов на ярмарке ничего существенного не добьёшься, но вообразите, что пророк наш чрезвычайно терпелив и последователен. И в запасе у него, к примеру, лет пятьсот. Уверяю вас, за это время можно сделать очень много, особенно если не ограничиваться одной только Нумбаной. Людных ярмарок в Мире полно; их только в Арварохе пока не устраивают, но кто знает, до чего они успеют додуматься за пятьсот лет...

– Ярмарка в Арварохе! – восхищённо выдохнул Мелифаро. – Даже вообразить не могу. Вот до какого события я хотел бы дожить! Хоть разок увидеть своими глазами, а там и помирать можно.

– Если это для тебя так важно, значит доживешь и увидишь, – совершенно серьёзно сказал Джуффин. – Но, кстати, если после этого ты действительно ляжешь и померёшь, выйдет довольно глупо. Впрочем, у тебя ещё есть время, чтобы изменить позицию по этому вопросу.

На этом месте я совершенно некстати зевнул. Всё-таки очень неудачный мне достался организм. Упрямый, как осёл. Если уж возомнил себя невыспавшимся бедняжкой, будет гнуть свою линию, сколько бальзама Кахара в него ни заливай. А ведь убойной силы средство – теоретически. До тех пор, пока не попадёт в мой неблагодарный желудок.

Я открыл было рот, чтобы извиниться и заверить своих гостей, что зеваю вовсе не от скуки, но вместо этого зевнул снова. На этот раз совершенно душераздирающе.

– Слушай, а зачем ты вообще сюда притащился? – вдруг спросил Джуффин.

Я даже как-то растерялся.

– Ничего себе постановка вопроса. Вообще-то я здесь живу.

– Тоже мне причина, – отмахнулся он. – Мало ли, кто где живёт. Это совершенно не повод так себя изводить, что даже бальзам Кахара уже практически не действует.

– Ну так ты же сам сказал...

– Это был не приказ, выполнять который следует во что бы то ни стало, – вздохнул он. – И на дворе у нас не какое-нибудь чрезвычайное положение, а до смешного мирное время, которое никакими ярмарочными пророчествами не омрачишь. Просто я прикинул, что было бы неплохо встретиться и поболтать после того, как ты что-нибудь разузнаешь в Нумбане. На подобные предложения нормальные люди, если что, отвечают: «А знаешь, давай завтра, я уже с ног валюсь». И спокойно ложатся спать.

– Так то нормальные. Впрочем, если бы ты позвал меня на срочное рабочее совещание, я бы непременно сообщил, что умираю от усталости. Фиг бы это меня спасло, конечно, но почему не попытаться? Однако когда встреча – не обязанность, она сразу становится практически непреодолимым соблазном.

Присутствующие озадаченно переглянулись.

– Интересные у тебя представления о непреодолимых соблазнах, – наконец сказал сэр Кофа.

– Самому смешно, – согласился я. – Причём посиделки с вами – это ещё ладно бы. Я как решил сдуру в первый же день, что в коллеги мне достались лучшие люди во Вселенной, так и остался при этом заблуждении до сих пор; медицина бессильна, я справлялся. Но подозреваю, что если завтра мне пришлёт зов, к примеру, начальник таможни и предложит заменить кого-нибудь из его внезапно захворавших подчинённых, ночь напролёт потроша чужие баулы, я тоже сперва с восторгом соглашусь, а уже потом вспомню, что у меня были иные планы. Но всё равно радостно побегу в порт – это же так интересно! Соблазнить меня сейчас можно практически чем угодно. Похоже, я заново влюбился в жизнь – по уши, практически до потери рассудка. И на радостях столько её себе нахапал, что она в меня уже не помещается. А я всё равно тянусь за новой порцией. И вот этот кусочек. И ещё тот. Мне сейчас всё интересно. И нужно позарез.

– Даже не стану говорить тебе, что это глупо, – сказал Джуффин. – Потому что...

– ...это и так очевидно, – снисходительно вставил Кофа.

– Совершенно нормально! – перебил его Мелифаро.

– ...потому что на самом деле у тебя просто нет выбора, – закончил Джуффин. – Любовь такая штука, если уж влип, значит влип.

– Правильно ли я понимаю, что сочинения моих студентов вам больше неинтересны, и я могу убирать тетради? – внезапно спросил Дримарондо.

Морда у него при этом была такая несчастная, что мы все, включая Кофу, не самого большого любителя церемониться с обиженными, тут же принялись заверять пса, что дожидаться не можем продолжения. Буквально извелись.

У меня в этом деле был свой интерес: пока все громогласно ржут над студенческими ошибками, вполне можно немного подремать в кресле. Благо спать сидя я научился давным-давно, без этого навыка я бы в Тайном Сыске просто не выжил. Очевидцы уверяют, что у меня получается не только вовремя кивать в нужных местах, но даже подавать реплики, не просыпаясь.

Впрочем, Джуффин всё равно меня раскусил.

«Почему бы тебе не отправиться обратно в гостиницу и не завалиться спать по-человечески?» – спросил он, воспользовавшись Безмолвной речью, чтобы не перебивать Дримарондо, чьи смешные лохматые уши и хвост бубликом, похоже, имеют над шефом Тайного Сыска такую же страшную власть, как и надо мной.

«Потому что я обещал сэру Шурфу поужинать с ним в полночь или около того... Кстати, а сейчас-то сколько?»

«До полуночи чуть меньше получаса. Но будет лучше, если ты нарушишь обещание. Ужинать с твоим трупом – удовольствие сомнительное. Сэр Шурф, при всей его эксцентричности, боюсь, не оценит».

«Да, – пригорюнился я, – ты прав, он терпеть не может мои трупы. Я уже отчаялся воспитать в нём хороший вкус».

С этими словами я наконец-то уснул. В кресле, как и намеревался с самого начала. И правильно сделал, потому что даже подумать страшно, куда бы меня сейчас мог завести Тёмный путь. Там всё-таки очень важно чётко знать, где именно намереваешься оказаться. А с чёткостью у меня были большие проблемы. В таком состоянии проще на скорую руку создать новую Вселенную, где всё погружено в вечный сон, и радостно туда устремиться, чем вспомнить название нумбанской гостиницы, в которой мы остановились.

– «Приют молчаливой репы»! – сказал я вслух, проснувшись.

Похоже, во сне я мучительно пытался вспомнить название этой грешной гостиницы. А вспомнив, тут же подскочил – просто от облегчения. Ну и чтобы записать это нелепое словосочетание, пока оно снова не вылетело из головы.

Впрочем, название гостиницы мне теперь было без надобности: я уже и так там находился. Видимо, сердобольный Джуффин меня туда отволок, чтобы я не отравлял им приятный вечер своим жалобным сиротским храпом. Хорошо всё-таки дружить со злыми колдунами. По крайней мере, можешь быть уверен, что поизмывавшись над тобой вволю, они аккуратно положат тебя на место. Потому что порядок в нашем деле – превыше всего. Я хочу сказать, если не приучить себя вовремя убирать использованные жертвы, очень скоро станет некуда девать новые.

Гостиница «Приют молчаливой репы», несмотря на чудовищное название, считается одной из лучших в Нумбане. И, наверное, заслуженно, по крайней мере, комнаты здесь достаточно велики, чтобы столичные жители, привыкшие к просторным апартаментам, не высказывали в окна, мучимые приступами клаустрофобии. И ванна вполне сносная – не бассейн, конечно, а всё-таки можно вытянуться во весь рост. А что камра, кувшин с которой по утрам появляется на специальной подставке в изголовье кровати, по вкусу больше похожа на воду, в которой постирали кухонные тряпки – так это зло, увы, неизбежное. Чем дальше от Сердца Мира, тем хуже горячие напитки, тут уж ничего не поделаешь.

Отдельный вопрос, зачем нам с Нумминорихом вообще понадобилась какая-то гостиница, когда спать можно дома и камру с утра пить там же, а на ярмарку в Нумбане, если уж так припекло, ходить Тёмным путём.

Официальная версия такова: мы должны выглядеть, как самые обычные приезжие из столицы, каких здесь в любое время года толпы. И вести себя нам следует соответственно: кутаться в блестящие короткие лоохи; ходить в полуметре над землёй; втридорога, не торгу-

ясь, покупать любую малосъедобную дрянь, упакованную в красивые полотняные мешочки; время от времени рассеянно плевать разноцветными огнями и, конечно же, ночевать в одной из самых шикарных гостиниц Нумбаны, открытых специально для изнеженных угуландских щёголей вроде нас.

Если же мы станем то и дело появляться невесть откуда, интересоваться сплетнями больше, чем покупками, сохранять трезвость даже после обеда, а по вечерам бесследно исчезать, нам, конечно, слова дурного не скажут, но по Нумбане тут же поползут слухи о появлении каких-то важных столичных чиновников.

Не то чтобы наше желание послушать, что болтают о нумбанском пророке, и, по возможности, увидеть его в деле действительно требовало высочайшей секретности, но зачем привлекать к себе лишнее внимание, когда избежать его совсем нетрудно? Всего-то хлопот – минимально изменить внешность, поселиться в дорогой гостинице и заранее продумать, какую именно чушь будешь нести в тот прекрасный момент, когда твои новые приятели сочтут, что ты уже достаточно пьян для откровенного обмена мнениями о смысле жизни и ценах на земельные участки в окрестностях Комуадского леса.

Но это, повторю, просто официальная версия. Я сам её сочинил, пока шёл к начальству договариваться о командировке. Убедительно получилось, до сих пор горжусь. Правда однако заключается в том, что я просто очень люблю путешествовать. Практически всё равно куда, лишь бы по-настоящему: в собственном амобилере, с небольшим запасом дорожных вещей на заднем сидении, с неизбежными гостиничными неудобствами, новыми знакомствами, нелепыми происшествиями и прочими удивительными событиями, которые не то чтобы гарантированы всякому страннику, но обычно всё-таки случаются, стоит только отъехать подальше от дома.

Нумминорих, в целом, одобряет такой подход к делу. Правда, при одном условии: что его пустят за рычаг амобилера. По дороге в Нумбану я так увлёкся, что нарушил наш договор, пришлось пообещать восстановить справедливость на обратном пути. Одна надежда, что он к тому времени наконец-то устанет и проспит свой шанс на заднем сидении. Но она, будем честны, невелика.

Вот да, кстати. Нумминорих. Интересно, чем он занят? В смысле не сбежал ли на ярмарку без меня? Было бы обидно.

«Привет, – сказал я. – Ты сейчас где?»

Всё-таки Безмолвная речь – очень удобная штука. Хоть и утомительная; впрочем, кроме меня, вроде, никто особо не жалуется. А я и по телефону в своё время разговаривать не любил.

«Я сейчас тут», – жизнерадостно откликнулся Нумминорих.

Чрезвычайно информативно.

«Так мы ни до чего путного не договоримся. Хотя бы потому, что, с моей точки зрения, ты вовсе не «тут», а «где-то там». Поэтому давай разбираться дальше. Ты ещё в гостинице? Или уже нет?»

«Не в гостинице, но совсем рядом. В «Лукавой тарелке». Завтракаю. Тебе что-нибудь заказать?»

«Ничего не надо, я ещё не проснулся!» – в панике завопил мой внутренний лентяй, до сих пор наивно веривший, что сейчас мы с ним перевернёмся на другой бок и продолжим увлекательнейший эксперимент под названием «сладкий утренний сон в Нумбане». «Заказывай на свой вкус, я сейчас буду», – с энтузиазмом откликнулось шило, живущее в моей заднице и периодически самовольно берущее на себя функции мыслительного аппарата. Проблема в том, что шило орёт громче всего остального организма, поэтому окружающие слышат только его. А мы с внутренним лентяем расхлёбываем последствия.

Например, неохотно откидываем одеяло, с жалобным стоном выкатываемся из постели и начинаем одеваться.

Я не зря поторопился. Потому что арестовали нас прямо во время завтрака. Обидно было бы пропустить это событие.

В почти пустой по случаю слишком, по мнению местных жителей, позднего для завтрака времени трактир вкатился натуральный колобок с морковно-рыжей шевелюрой. В зубах его была зажата типичная ландаунская трубка, больше похожая на адаптированную для нужд курильщиков сковороду, полы старомодно длинного алого лоохи трепетали на сквозняке и одновременно путались под ногами, а маленькие пухлые ручки сжимали жезл, вроде того, с какими ходят служащие столичной Канцелярии Скорой Расправы. Вернее, ходили до недавних пор, пока жестокосердный сэр Джуффин Халли не лишил их любимых игрушек. И не потому, что любит причинять людям невыносимые душевные страдания, а из сугубо практических соображений, очень уж много драматических судебных ошибок на совести этих магических жезлов, якобы точно определяющих тяжесть содеянного преступления; впрочем, неважно. Важно, что у нас, в столице, эти штуки недавно вышли из употребления, а в провинции, то есть, вдалеке от Сердца Мира они и не работали никогда, что совершенно не мешает местным полицейским угрожающе размахивать ими перед носами подозреваемых. Считается, что это способствует устрашению.

Мы с Нумминорихом отложили в сторону вилки и восхищённо уставились на рыжего незнакомца. Не заржали вслух только потому, что как раз по дороге в Нумбану обсуждали, как некрасиво получается, когда заезжие столичные невежи начинают снисходительно высмеивать провинциальные обычаи и манеры, даже не потрудившись разобраться в экономических, географических и магических причинах возникновения того или иного жизненного уклада. И, конечно, решили, что мы так себя вести ни за что не станем, вот пусть хоть толпами вокруг нас скачут в своих долгополых одеждах, башмаках с толстенными подошвами и в этих уморительных круглых очках, все как один.

Очки у рыжего толстяка, кстати, тоже были. Просто мы не сразу их заметили, ошеломлённые общим великолепием его облика и солнечными зайчиками, разбегающимися от набалдашника декоративного жезла.

– Капитан Друти Боумблах, Большое Полицейское Войско Нумбаны, Ривви, Дуалонни, Вувакки и Отли, а также окрестностей озера Мунто, – скороговоркой представился толстяк, остановившись возле нашего стола. – Извините, что прерываю вашу трапезу, но я вынужден задержать вас для дознания по делу, не допускающему отлагательств.

Вот теперь мы всё-таки заржали. Просто от неожиданности.

Рыжий капитан, надо отдать ему должное, держался молодцом. В смысле, просто спокойно ждал, когда мы закончим веселиться. И, воспользовавшись вынужденной паузой, пристально нас разглядывал. Из-за стёкол очков его зеленоватые кошачьи глаза казались выпуклыми и круглыми. И взгляд у него был внимательный, спокойный и одновременно отчаянный, как у кота, изготовившегося к прыжку.

Отсмеявшись, я открыл было рот, чтобы гаркнуть: «Малое Тайное Сыскное Войско столицы Соединённого Королевства», – но в последний момент прикусил язык, сообразив, что разглашать столь интимную информацию следует наедине. Трактирщик и несколько уличных зевак, привлечённые появлением бравого капитана, безусловно, будут просто счастливы узнать наш с Нумминорихом маленький секрет. А я не хочу делать их счастливыми. Для этого я недостаточно добрый человек.

Поэтому я адресовал рыжему капитану ангельскую улыбку, поднялся из-за стола и сказал:

– Разумеется, мы к вашим услугам. Не беспокойтесь, мы не будем оказывать сопротивление. Мы сами чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы это недоразумение разъяснилось, как можно быстрее.

Нумминорих с энтузиазмом кивнул. Он был похож на ребёнка, которому только что пообещали карусели и мороженое. Впрочем, и карусели, и мороженое в нашем положении были совершенно неизбежны – если не прямо сейчас, так через несколько часов.

На улице нас ожидал служебный амобилер, на заднем сидении которого удобно устроилась пара совсем молоденьких полицейских, в чьи обязанности, надо понимать, входил присмотр за опасными и непредсказуемыми злодеями в нашем лице. Правда, вместо того, чтобы вцепиться в нас покрепче, ребята деликатно подвинулись и всю дорогу прикладывали немислимые усилия, чтобы не упираться локтями в наши бока, что, будем честны, совершенно невозможно, когда пытаешься разместиться вчетвером на сидении, предназначенном максимум для троих. Но пришлось потерпеть – целых десять минут, пока мы ехали к местному Управлению Полного Порядка.

– Вы, вероятно, очень храбрый и решительный человек, капитан Боумблах, – сказал я после того, как за нами наконец-то закрылась тяжёлая дверь кабинета. – Но всё равно это, конечно, не дело.

С этими словами я уселся в хозяйское кресло. Нумминорих адресовал мне укоризненный взгляд и был по-своему прав, вежливым такой поступок не назовёшь. Но несколько лет назад я бы ещё и ноги на стол положил, а теперь просто скромно закинул одну на другую. Столь деликатное поведение свидетельствует, что я уже встал на путь исправления, и буквально лет через сто меня можно будет начинать пускать в приличные дома.

– Что – «не дело»? – опешил рыжий.

Я наградил его такой специальной ласковой улыбкой для общения со свалаявшими дурака коллегами, позаимствованной у сэра Кофы. Смысл её в том, что чем приветливей ты улыбаешься, тем неуютнее чувствует себя твой собеседник, хотя сам толком не может понять, что именно его нервирует. Не уверен, что у меня получается так же хорошо, как у самого Кофы, но я очень стараюсь.

– Ну как – что? Производить задержание двух подозреваемых в одиночку – это же вопиющее нарушение служебной инструкции. Люди, которые представляют интерес для полиции, обычно не испытывают желания быть арестованными. Ну вот как бы вы выкручивались, если бы мы стали сопротивляться?

– С чего бы это? – буркнул толстяк. – У нас так не принято. Полиция есть полиция. И уж если я прошу проследовать за мной, лучше так и поступать – это все знают.

– Всё когда-нибудь случается впервые. В том числе неприятности, вроде сопротивления подозреваемых при аресте, с жертвами или без – это уж как повезёт. И для того, чтобы снизить вероятность подобных происшествий, придуманы служебные инструкции, рекомендуемые, по возможности, производить задержание группой, число участников которой хотя бы вдвое превышает предполагаемое количество подозреваемых. Следовательно, за нами вам следовало прийти как минимум вчетвером.

– Да где ж я вам четверых возьму? – огрызнулся капитан. – Штат у нас невелик, а работы – прорва. Ярмарка есть ярмарка. Это только для приезжих вроде вас она похожа на праздник, а для полиции – непрерывный аврал. И сколько сил на поддержание порядка ни брось, этого всегда будет недостаточно.

– Ну, справедливости ради, двое-то при вас всё-таки были, – заметил я. – Но ребята почему-то остались сидеть в амобилере, вместо того, чтобы устрашать нас в трактире.

– Да они ещё новички, – простодушно объяснил рыжий. – Только этой осенью на службу поступили. Если вдруг что, ничем мне не помогут. Рано им в неприятности влипнуть. Совсем несмышлёные мальчишки.

«Тем не менее, регулярно влипать в неприятности – самый эффективный способ быстро стать смышлёным», – подумал я. По крайней мере, меня самого учили именно так; каким чудом я при этом уцелел – отдельный вопрос, но риск – обычная плата, причём не только за обучение, но и за саму возможность быть живым человеком.

Я бы и вслух всё это сказал, да не успел. Толстяк спохватился, что не в меру разоткровенничался с подозреваемыми, комично насупил апельсиновые брови и условно суровым тоном объявил:

– Вам вообще не должно быть дела до моих подчинённых и наших служебных инструкций.

– Ничего себе – не должно быть дела! – взвился я. – Между прочим, чтобы их для вас написать, целых три человека провели бессонную ночь. Ну и я с ними за компанию; впрочем, я-то как раз больше развлекался, чем работал, но сам факт...

Бедняга капитан окончательно растерялся.

– Какие три человека? Почему – ночь? И при чём тут вы?

– Заместитель начальника столичной полиции Трикки Лай, – принялся перечислять я. – То есть подписать на отправленном вам экземпляре, конечно, самого генерала Бубуты Боха, но в момент составления инструкции он мирно дрых дома, и это ваша большая удача. Поскольку Трикки никогда прежде не работал над подобными документами, на помощь ему любезно пришёл сэр Кофа...

– Сам сэр Кофа Йох? Бывший начальник столичной Правобережной Полиции? – недоверчиво переспросил рыжий капитан. – Но он же теперь в... эээ... другом ведомстве.

– Ну да. Но сэр Кофа никогда не бросает коллег в беде. Ладно, скажем так, не всегда бросает – тех немногих, к кому испытывает симпатию. Говорю же, вам крупно повезло.

– А кто третий? Вы сказали, что не спали три человека, – взволнованно спросил толстяк, уже, похоже, окончательно забывший, что собирался нас допрашивать. Не очень профессионально с его стороны, но на его месте мог оказаться кто угодно, включая меня самого. Даже начиная с меня самого, будем честны.

Бедняга с трепетом ждал моего ответа. Уж не знаю, чьё ещё имя он надеялся услышать. Сэра Джуффина Халли? Великого Магистра Ордена Семилистника? Или самого Короля Мёнина, специально вернувшегося в Мир ради восхитительной возможности принять деятельное участие в создании новых служебных инструкций для провинциальных подразделений полиции Соединённого Королевства?

Однако мне пришлось его разочаровать.

– Одна юная барышня. Её имя ничего вам не скажет, но, уверяю вас, её вклад в работу был воистину бесценен: она внимательно перечитывала каждый абзац и указывала авторам, какие формулировки кажутся ей недостаточно понятными; таким образом, нам удалось сделать текст максимально внятным и избежать любых разночтений. Я говорю «нам», потому что четвёртым бодрствующим был я сам. Но ладно, это не в счёт, я просто ждал друга, который обещал появиться ближе к рассвету, и поскольку дело всё равно происходило в моей гостиной...

– В вашей гостиной?!

– Прекращай из человека жилы тянуть, – наконец вмешался Нумминорих. – Ну невозможно вот так сразу взять и догадаться, что ты – сэр Макс из столичного Тайного Сыска. Я и сам ни за что бы не догадался, потому что – ну каких Тёмных Магистров ты мог забыть в Нумбане? И, если уж на то пошло, почему не испепелил всё, что движется, при попытке тебя арестовать?

– А должен был? – изумился я.

– Конечно, нет. Но именно чего-то такого обычно ждут люди, которые никогда в жизни тебя не видели, зато время от времени читают столичную прессу. «Королевский голос», между прочим, давным-давно по всей стране продаётся. И «Суэта Ехо» тоже. По крайней мере, в крупных городах.

– Столичные газеты исправно привозят с опозданием всего на сутки, – подтвердил рыжий капитан. – Но у нас, в Нумбане, не принято верить каждому напечатанному там слову. Поэтому я вовсе не думаю, будто сэр Макс без крайней на то необходимости станет испепелять невинных людей. Что он воскрешённый из мёртвых древний Мятежный Магистр, чуть было не разрушивший Мир, так это дело прошлое. А на Королевской службе, после принесения присяги так себя не ведут.

– Спасибо, – сказал я. – Очень приятно убедиться, что вы действительно верите не каждому напечатанному слову. А примерно через одно.

Увы, мой собеседник не оценил сарказма. Зато принялся пристально меня разглядывать, даже очки сперва снял, а потом снова надел.

– Хотите сказать, что вы и есть сэр Макс из столичного Тайного Сыска? – наконец спросил он. – Но вы совершенно не похожи на свои портреты.

– Для того и существует искусство изменения внешнего облика, – деликатно подсказал ему Нумминорих. – Оно бывает чрезвычайно полезно, когда отправляешься в людное место с секретным поручением.

– С секретным поручением? – недоверчиво повторил толстяк. – К нам, в Нумбану? Ну и дела... Погодите, а вы что, тоже из Тайного Сыска?

– Тоже, – подтвердил Нумминорих, сияя, как золотой таз для Королевского утреннего умывания.

Парень уже Магистры знают сколько лет служит в Тайном Сыске, но до сих пор в восторге от этого обстоятельства. И ведь не заколдовали мы его, не поработили волю, даже приворотным зельем во имя служебной дисциплины ни разу не поили. Он сам, совершенно добровольно обожает свою работу и страшно ею гордится, вот такой удивительный феномен.

И специальный опознавательный жетон теоретически полагающийся всем Тайным сыщикам, кажется, только он один при себе и носит. В Ехо эти невидимые значки, на несколько секунд проявляющиеся от прикосновения владельца и сияющие ослепительным синим светом, не особо нужны, нас там и так каждая собака в лицо знает. А от появления наших двойников общество надёжно защищено даже не столько строгостью закона, грозящего суровыми карами за придание себе облика любого государственного чиновника высокого ранга, сколько сложностью искусства изменения внешности. Мастеров этого дела и сейчас, после отмены строгих запретов на колдовство, по пальцам пересчитать можно. Я и сам совсем недавно этому научился, да и то только потому, что очень уж припекло.

Короче говоря, дома опознавательный жетон можно сунуть в ящик письменного стола и с лёгким сердцем забыть там навек. Однако в поездке он может оказаться чрезвычайно полезен, это я вынужден был признать, наблюдая, как вытягивается щекастое лицо капитана, озарённое мистическим сиянием Нумминориховой бляхи.

– А почему вы сразу, в трактире не сказали? – наконец спросил он. – Я же вам, получается, доесть спокойно не дал...

– Потому что никому кроме вас знать о нашем присутствии в Нумбане не следует, – объяснил я. – Вам, строго говоря, тоже не следует. Но тут уж ничего не поделаешь, знайте на здоровье, не лишать же вас памяти из-за такой ерунды.

– Это очень любезно с вашей стороны, – с достоинством сказал толстяк. – В моей памяти хранится много полезных сведений разной степени важности, и их утрата могла бы надолго парализовать работу Нумбанской полиции.

Смешной рыжий капитан Друти Боумблах нравился мне всё больше. Вряд ли я сам на его месте смог бы сохранять невозмутимость. Страшно подумать, как бы меня перекосило, причём дважды – сперва от стыда, что свалил такого дурака, а после всех этих разговоров о лишении памяти – просто с перепугу. А он только озабоченно насупился, как кот, обнаруживший, что его миска уже пуста, а живот всё ещё недостаточно туго набит.

– Если уж мы всё равно тут, выкладывайте, что у вас случилось, – сказал я.

– Покушение на Правдивого Пророка.

– Что?!

Я так удивился, что даже из хозяйского кресла выскочил. Но не потому, что от потрясения у меня наконец-то проснулась совесть, просто когда я волнуюсь, мне трудно усидеть на месте.

– Покушение на пророка, – любезно повторил капитан Боумблах. – Незвестный мужчина, одетый, предположительно, по какой-то новой столичной моде, зашёл в палатку якобы для получения предсказания и напал на пророка, угрожая ему ножом.

– Ножоооом?! – хором переспросили мы с Нумминорихом.

Давненько мы не слышали о нападениях со столь примитивным оружием. Даже как-то начали забывать, что убить человека обычным ножом, без применения какого-нибудь дополнительного зловещего колдовства не просто возможно, но и совсем не сложно. Человек – очень хрупкая конструкция, практически чем угодно нашего брата можно порешить.

Капитан истолковал наше изумление по-своему.

– Да не волнуйтесь вы так, – добродушно сказал он. – Пророк жив-здоров и вроде даже не огорчён происшествием. И вообще все живы, обошлось. Единственное, что досадно – задержать нападающего не удалось, хотя один из моих ребят был совсем рядом с палаткой. Мы всегда стараемся брать под особую охрану предсказателей, исполнителей желаний, продавцов талисманов и лотерейных билетов – все они, по понятным причинам, притягивают неуравновешенных людей. Но когда Хлама Клус – так зовут моего дежурного – услышав подозрительный шум, заглянул в палатку, нападающий сделал шаг в сторону и исчез.

Мы озадаченно переглянулись. Похоже, человек, зачем-то напавший на ярмарочного пророка, сбежал с места происшествия Тёмным путём. А прокладывать его самостоятельно мало кто умеет; впрочем, даже чужим Тёмным путём не то чтобы каждый второй ходит. И столь высокий уровень магического мастерства как-то плохо сочетается с попыткой зарезать ближнего обычным ножом. Хотя, конечно, всякое случается. Теоретически можно, наверное, испытывать столь глубокое отвращение к приёмам боевой магии, что даже ради дела невозможно заставить себя их освоить. Ну или просто очень любить холодное оружие. Каких только причуд не бывает у людей.

– Ладно, – наконец сказал я. – Но мы-то зачем вам понадобились? Ну или не мы, а те, за кого вы нас приняли?

– Ну так о вас было известно, что вы вчера утром приехали в Нумбану, сразу же отправились на ярмарку и там расспрашивали всех подряд о Правдивом Пророке, – объяснил капитан Боумблах. – Ничего удивительного тут нет, на него многие приезжают поглазеть. Понятное любопытство, сколько я за свою жизнь ярмарочных предсказателей перевидал, но такого, чтобы обещал рассказать каждому желающему всю правду, у нас до сих пор не было. Если бы не покушение, мне бы в голову не пришло вас беспокоить, но...

– Да, мы в этом деле выглядим главными подозреваемыми, – улыбнулся Нумминорих.

– Не то чтобы главными. Но вполне очевидными. К тому же ясно, где вас искать. Глупо не начать с того, что у тебя прямо под носом.

– А свидетеля покушения можно сюда вызвать? – спросил я. – Этого вашего – как его?..

– Хламу Клуса, – подсказал толстяк. – Вызвать-то можно, только тогда пророк останется совсем без охраны. Не соображу, кем прямо сейчас Клуса заменить...

– Хорошо, тогда давайте пойдём к нему сами, – решил я. – Покажете нам, где сегодня стоит палатка пророка, заодно и со свидетелем познакомите.

Нумминорих адресовал мне удивлённый взгляд и перешёл на Безмолвную речь:

«Слушай, а как ты вообще себе это представляешь – прийти на ярмарку с капитаном полиции, допросить свидетеля и при этом сохранить инкогнито?»

«Да так и представляю: придём, поговорим, попросимся и исчезнем навек, – ответил я. – А потом вернёмся. Но с другими рожами. Всё равно после сегодняшнего ареста – без вариантов. Мы теперь знаменитости. Будут пялиться, придумывать, почему нас отпустили и заключать пари, на кого мы решим напасть в следующий раз».

А вслух сказал:

– Только пожалуйста, представьте нас вашему подчинённому как служащих столичной полиции. О том, что по ярмарке слоняются Тайные сыщики, ему знать не надо. И вообще никому. Надеюсь, вы и сами понимаете, что это государственная тайна и отнесётесь к ней с подобающей серьёзностью.

– Но как быть с моим начальством? – озабоченно спросил капитан. – Я обязан предоставлять правдивые отчёты о ходе следствия.

– Этому горю помочь нетрудно. У вас найдётся чистая табличка?

– Разумеется.

– Давайте её сюда, – велел я.

Хотя от одной мысли, что сейчас придётся писать, мне становилось тошно. Самопишущие таблички я ненавижу всем сердцем. Они гораздо хуже, чем Безмолвная речь. Потому что, во-первых, письмо требует гораздо большей концентрации, чем разговор, а во-вторых, от руки-то я пишу вполне грамотно, зато думаю почему-то с чудовищными ошибками. И документ, на изготовление которого ушли все мои силы, приходится переделывать дюжину раз. Вернее, раньше приходилось. В последнее время я более-менее научился справляться с этой напастью. Но так и не смог полюбить процесс письма, или хотя бы с ним примириться.

Тем не менее, в жизни моей то и дело внезапно находится место подвигу. Хочешь не хочешь, а совершай. Вот и сейчас я взял из рук капитана Боумблаха чистую самопишущую табличку, положил на неё руку, сформулировал в уме текст документа, усилием воли превратил его в сияющую ярко-красную точку, переместил точку в центр ладони и... Уфф. Воображаемый текст проявился на табличке. Его венчала адская кракозябра с условно изящным завитком – официальная подпись, причём не моя, а генерала столичной полиции Бубуты Боха. Мне очень повезло, что мой друг Трикки Лай, вынужденный регулярно подписывать служебные бумаги вместо окончательно обленившегося начальства, предпочитает заниматься подделкой документов в моей гостиной, словно бы специально созданной для лихих дел. А то где бы я ещё подсмотрел, как выглядит Бубутина подпись.

Я критически оглядел результат своего труда. Вроде бы более-менее получилось. Всегда удивляюсь этому, как в первый раз.

Я протянул табличку рыжему капитану. Тот встревоженно уставился на мою писанину, но секунду спустя просветлел лицом.

– Кот сбежал – кормить не надо! – с облегчением сказал он.

Это, как я понял, был местный аналог выражения «баба с возу – кобыле легче». Но на всякий случай я вежливо уточнил:

– Надеюсь, вы не возражаете?

– Да что я, с ума сошёл? Если уж мне так повезло, что полиция столицы Соединённого Королевства берёт на себя расследование этого гиблого дела... – капитан внезапно запнулся и смущённо объяснил: – Когда подозреваемый исчезает вместо того чтобы по-человечески сбежать, спрятаться, отстреливаться или, на худой конец, взять заложников, я теряюсь. Не знаю, что в подобных случаях следует делать. Честно говоря, на моей памяти такое впервые. У нас,

в Нумбане, особо не колдуют, разве только воришки, карточные шулеры и прочие жулики, по мелочам, но их-то фокусы я давно знаю. А тут...

– Очень хорошо вас понимаю, – кивнул я. – Идёмте, покажете, где сегодня сидит этот ваш пророк. Надеюсь, он не обиделся на неблагодарное человечество и не покинул Нумбану навсегда.

– Да нет, вряд ли он обиделся, – сказал рыжий капитан. – Когда Клус заглянул в палатку, пророк смеялся.

– Пророк смеялся, как будто оружие в руках незнакомца – это шутка, – говорил Хлама Клус, невысокий жилистый человек с уныло свисающим длинным носом и огромными бирюзовыми глазами, больше похожими на ювелирные украшения, чем на обычные органы зрительного восприятия.

Мы сидели на перевёрнутых деревянных ящиках, практически скрытые от окружающих высоким прилавком – заняли одно из пустующих торговых мест. Здесь, на самом краю ярмарки, их всегда хватает. Всем хочется стоять в центральных рядах, хотя там за места приходится платить, а с краю можно пристроиться даром. Но и покупателей тут, конечно, гораздо меньше – в основном, ушлые нумбанские обыватели, готовые люто торговаться за каждую горсть.

По словам капитана Друти Боумблаха, Правдивый Пророк всегда ставит палатку где-нибудь с краю. Ну, то есть как – ставит. Просто возникает из ниоткуда вместе со своим маленьким полосатым шатром и скромной неприметной вывеской: «Здесь можно узнать всю правду о себе». Уж ему-то незачем стремиться в центральные ряды, желающие сами его находят. Узнать всю правду о себе – огромный соблазн, за таким обещанием не то что на край ярмарки, на край Мира побежишь. Я и сам сейчас внутренне подпрыгивал от нетерпения, досадуя на дурацкое расследование, вставшее между мной и обещанной правдой. Но тут уж ничего не поделаешь. Если я не вытяну из свидетеля происшествия все подробности, Кофа мне этого не простит.

– Да, мы уже поняли, что пророк – весёлый человек, – кивнул я. – По делу-то он что-нибудь сказал?

– Сказал, что всё в порядке, а потом попросил меня выйти. Пришлось признаться, что я из полиции, но это не особенно помогло. Он только отмахнулся: «Ничего не случилось, не о чем говорить». Но я же сам видел!..

– Вопрос, что именно ты видел и слышал. А что потом сам дофантазировал. Давай-ка ещё раз, с самого начала. И по порядку.

В собственных глазах я в этот момент выглядел крайне неприятным типом. Одним из тех хамоватых мелких начальников, которые небрежно «тыкают» подчинённым и придираются ко всему, что те скажут. Однако на самом деле, я просто изо всех сил старался соблюдать полицейский этикет. Дружба с Трикки Лаем в этом смысле пошла мне на пользу. Именно от него я узнал, что когда старший по званию вдруг начинает обращаться к рядовому полицейскому на «вы», это означает, что грядут крупные неприятности. А пока начальство снисходительно тычет и недовольно бурчит, подчинённые сохраняют спокойствие, земля под их ногами восхитительно тверда, привычный порядок вещей незыблем, а ближайшему будущему ничего не угрожает. Вот и приходится соответствовать – просто чтобы не нервировать ни в чём не повинного человека.

Ну, то есть не повинного ни в чём, кроме полной неспособности связно излагать события и вопиющего неумения отделить факты от собственных домыслов. Так уж нам с этим свидетелем повезло.

Но бедняга очень старался. Закатил свои бирюзовые глазищи и затараторил как зубрила, вызванный к доске:

– Я прибыл на ярмарку ровно за четыре часа до полудня и отправился на поиски палатки Правдивого Пророка, поскольку в те дни, когда палатка появляется, я должен надзирать за соблюдением порядка в радиусе пяти дюжин шагов от неё...

«Надо же, какая точность, – насмешливо подумал я. – Интересно, а если на шаг дальше что-нибудь стрясётся? Вмешиваться запрещено? Или как?»

Вслух я это говорить не стал, но сопровождавший нас капитан Боумблах заметил моё удивление и счёл нужным пояснить:

– Традиционный уставный размер территории, охраняемой одним сотрудником полиции, унаследован нами от старинного Первого Ярмарочного Закона, который подробно оговаривал взаимные обязанности торговцев и городских властей. Фермеры должны были вскладчину ежедневно поставлять в дом бургомистра Нумбаны телегу сезонных овощей и телегу любого другого провианта, а он за это приказал городским стражникам обеспечить полную безопасность в радиусе пяти дюжин шагов от центрального торгового ряда – такова была в ту пору ярмарочная площадь. Совсем маленькая, сейчас-то даже не верится.

– А от кого охраняли ярмарку? – оживился Нумминорих, всегда готовый поддержать светскую беседу, особенно если обсуждаемая тема не имеет никакого отношения к делу.

– «Хроники Зелёных Лет» сообщают, что леса вокруг Нумбаны в те годы кишели голодными разбойниками, которые быстро сообразили, что грабить окрестных фермеров на ярмарке, где они собираются все вместе, да ещё и еду с собой привозят, гораздо удобней, чем без особого успеха штурмовать хорошо защищённые хутора. Если бы торговцы не договорились с бургомистром об охране, ярмарка не просуществовала бы и полудюжины дней – какой смысл везти товар туда, где его у тебя гарантированно отберут?

– А по дороге на ярмарку разве не проще их грабить? – спросил я. – Или когда обратно с деньгами поедут?

– Не следует недооценивать наших фермеров. На лесных тропах они умеют быть незаметными, сколько бы возов товара ни волокли за собой.

– О древних фермерских тропах в Ландаландских лесах нам на лекциях по истории магии рассказывали, – встрял Нумминорих. – Оказывается, у каждой семьи в этих краях до сих пор есть свои тайные тропы, неизвестные другим...

– Скажем так, далеко не каждому известные, – самодовольно усмехнулся толстый капитан. Всем своим видом он давал понять, что принадлежит к числу избранных, посвящённых в местные лесные тайны.

– Всё это прекрасно, – сказал я. – Но сейчас-то зачем охранять любой объект в радиусе пяти дюжин шагов, не больше и не меньше?

– Да, в общем, незачем, – неохотно признал капитан. – Это просто дань традиции, которую мы чтим. Нумбана обязана Ярмарочному Закону своим процветанием. Уже всего сто лет спустя после его принятия великий уандукский путешественник той эпохи Хачимарух Брей-дони описывал Нумбану как «город сытых и довольных, сокрытый в диких лесах Хонхоны», а со стороны, говорят, виднее. А пресловутые пять дюжин шагов с тех пор так и кочуют из одного документа в другой. И, как видите, добрались до наших служебных инструкций. Никакого особого тайного смысла в указанном расстоянии действительно нет, но число считается счастливым.

– Вот это понятный аргумент, – кивнул я. – Но теперь всё-таки хотелось бы узнать, что стряслось сегодня. И если можно, без ссылок на события тысячелетней давности.

– Семитысячелетней! – любезно поправил меня Друти Боумблах.

– Тем более.

Я повернулся к притихшему рядовому Клусу.

– Что конкретно ты видел и слышал возле палатки пророка? Рапорт по всей форме нам не нужен. Расскажи о покушении простыми человеческими словами, как дома за ужином.

– А дома некому рассказывать, – возразил тот. – Я один живу.

В такие минуты я начинаю жалеть, что не родился жестоким убийцей, испепеляющим всё на своём пути. Практического толку от такого поведения обычно немного, зато удовольствия – море. Мгновенная эмоциональная разрядка всегда обеспечена.

Но нет так нет, ничего не поделаешь. Поэтому вместо того, чтобы откусить непонятливому полицейскому голову, я ласково улыбнулся и сказал:

– Ладно, не дома. Как приятелям в трактире. Например.

Это неожиданно сработало. Свидетель мой заметно оживился, а в бирюзовых глазах появился вполне осмысленный блеск.

– Значит, так, – бодро начал он. – Нашёл я палатку пророка – вот тут же, где сейчас стоит – присел неподалёку, трубку достал, набил. Народу с утра на ярмарке мало, поэтому к нему сразу потянулись торговцы, потом-то у них уже времени на развлечения не будет. Ну, в общем, везде пусто, а возле палатки пророка дюжины полторы человек стоят, ждут. Я посидел, покурил и тоже подошёл поближе. Интересно же, что он кому скажет. Правда, я пока ещё ни разу ничего толком не разобрал. Пророк совсем тихо шепчет, в самое ухо, хитрый. Но вдруг однажды скажет громко? Имеет смысл крутиться где-нибудь рядом... В общем, встал я возле входа в палатку. И тут вдруг человек с ножом! Вооот таким огромным! – Клус щедро развёл руки чуть ли не на ширину плеч. – И заходит к пророку! А я...

– Погоди, что вот прямо так, размахивая ножом, и вошёл? – изумился я.

– Да почему же размахивая? – удивился Клус. – Ничем он не размахивал. Уж спрятать нож под одежду у любого ума хватит!

– Но почему тогда ты говоришь, что человек вошёл с ножом?

– Ну так потом-то выяснилось, что нож был, – терпеливо, как несмышлёному младенцу, объяснил полицейский. – Я своими глазами его видел!

Нумминорих встревоженно на меня покосился. Он знаком со мной не первый день и хорошо знает, в какой момент пора прятаться в погреб. Я адресовал ему кроткую улыбку мученика – дескать, ладно, потерплю, как-нибудь не взорвусь – и продолжил этот нелепый допрос.

– Опиши, пожалуйста, как выглядел человек, который заходил в палатку, в тот момент, когда заходил?

Услышав от меня слово «пожалуйста», бедняга Клус совершенно сник и уставился в землю. Я же говорю, у младшего полицейского состава свои представления об этикете, и лучше не нервировать их избыточной вежливостью. Хочешь не хочешь, а держи себя в руках.

– Эй, у тебя язык в зубах запутался? – сварливо спросил я.

Это помогло.

– Значит, нож был спрятан под одеждой...

– Да, это мы уже поняли. Под какой именно одеждой?

– Под новомодным костюмом.

– Что за новомодный костюм?

– Да откуда же я знаю, как оно всё называется? Я в нарядах не разбираюсь.

– Просто. Опиши. Словами. – сказал я.

И сам содрогнулся от звуков собственного голоса. Нечеловечески ласкового и всепрощающего.

– Красная! – выпалил Хлама Клус и снова умолк.

– Красная одежда?

– Да. Та, которая сверху. Короткая, выше колен. Что-то вроде ташерской куртки, но не такая широкая и с капюшоном.

– А ещё какая-то одежда на нем была?

– Была, – лаконично отвечал полицейский.

– Какая? На что похожа?

– На одеяло. Как будто он замотался одеялом ниже пояса, да так и пошёл.

Так вот значит как жители Нумбаны представляют себе «новую столичную моду». В смысле какими нелепыми полудурками мы им кажемся. Ладно, буду иметь в виду.

«Даже не берусь предположить, где так одеваются», – воспользовавшись Безмолвной речью, сказал мне Нумминорих.

Во дела. Вообще-то, кругозор у него даже несколько шире, чем требуется. Полдюжины высших образований – это всё-таки не кот чихнул. И вдруг на тебе – «не берусь предположить».

– А обувь? – спросил я.

Бирюзовые глаза растерянно моргнули.

– Нннууу... наверное, была какая-то обувь. Не босиком же он по ярмарке ходил.

– Но ты не обратил внимания?

– Не обратил, – признался Клус. – Одеяло уж больно длинное.

– Ладно, – обречённо согласился я. – А лицо? Причёска?

Я заранее приготовился к ответу в духе: «да, наверное, было какое-то лицо». Но Хлама Клус приятно меня удивил.

– Лицо обычное, – уверенно сказал он. – Только очень белое. Не бледное, а как будто краской намазался. Белое – и всё.

– Обычное, – повторил я. – Белое. Ага.

– «Как будто» – это значит, что на самом деле, без краски? – пришёл мне на помощь Нумминорих.

– Ну, вроде, без. Или очень умело намазался, так что даже вблизи от настоящего не отличишь. И губы тоже белые. А брови чёрные и глаза тоже.

– Красиво, наверное, смотрится, – заметил я.

– Да нет, не то чтобы. Так... Обыкновенно, в общем.

– Обыкновенно?!

– Ну да. Я бы внимания не обратил, если бы он просто так по ярмарке гулял. У нас тут ещё и не такое встречается. Недавно ваши столичные студенты приезжали, так у каждого на голове вместо волос горел самый настоящий костёр. А одного вельможу из Куманского Халифата по всей ярмарке вместе с кроватью носили¹ – вот это была потеха!

Я был вынужден признать, что в его рассуждениях есть здравый смысл. Просто долгие годы работы на Нумбанской ярмарке формируют свои, особые представления об «обыкновенном», которые даже мне довольно трудно разделить. Хотя казалось бы...

Ладно.

– Ладно, – сказал я, – хорошо. Предположим, с внешностью мы разобрались. Итак, белолицый человек вошел в палатку. Что случилось потом? Почему ты вообще к ним сунулся?

– Ну так шум же был.

Хлама Клус произнёс это таким тоном, что я сразу понял: не было там никакого шума. Любопытный полицейский просто полез подглядывать и подслушивать, как наверняка делал уже не раз, увидел в руках странно одетого посетителя нож и храбро ринулся спасать пророка. Молодец, что тут скажешь.

Да нет, правда молодец.

Я совсем не хотел мучить беднягу новыми придирадками, но пришлось.

– Какого рода шум? Крики? Ругань? Падение мебели? Ещё что-нибудь?

– Шум, – упрямо повторил Хлама Клус. – Просто шум.

– Не морочь мне голову, – вздохнул я. – Шум – это звуки. Любые звуки можно как-то описать. Но в палатке было тихо, да? Ты просто так заглянул? На всякий случай? Потому что

¹ Вероятно, это был *уладас* – своеобразный гибрид паланкина и дивана, возлежа на котором состоятельные куманцы при помощи носильщиков перемещаются по городу и даже по собственному дому.

белолицый человек в одеяле показался тебе подозрительным, и ты решил посмотреть, что там происходит. И, между прочим, правильно сделал, вовремя успел. Злодей испугался и исчез, пророк остался жив. Ты его спас. Но вот шума – шума не было. Так?

– Так, – еле слышно пробормотал полицейский.

– Ну и зачем было выдумывать? – изумился капитан Друти Боумблах.

Похоже, он совершенно не ожидал такого поворота. Это плохо. Свои кадры надо знать. В смысле понимать, кто что способен выкинуть, в том числе, в самый неподходящий момент – например, в присутствии въедливого столичного начальства.

– Ну мне же мне не положено просто так соваться в палатку, – скорбно объяснил рядовой Клус. – И вы сами, когда меня инструктировали, говорили: «Только не вздумай ему мешать, зря под руку не лезь...» Зачем мне лишний выговор?

– Ну так ты же, получается, не зря туда полез, – успокоил его капитан. – Спас человека.

– Значит, я всё правильно сделал? – обрадовался Клус.

– В этом конкретном случае – правильно, – подтвердил я. – А вот сочинять отсебятину – это была очень плохая идея. Намеренное введение следствия в заблуждение ради сокрытия своих проступков – вот как это называется. Между прочим, от полугода до восьми лет в Нунде можно получить за такие фокусы, если следователь сердитый попадётся, и нанесённый вред будет признан существенным. Да не смотри ты на меня так, никто тебя в суд не потащит. Был я однажды в этой Нунде с инспекцией, слишком мрачное место, чтобы обычных врунов вроде тебя туда отправлять.

Бедняга уже был ни жив, ни мёртв, так что я почти пожалел о сказанном. С другой стороны, не мог же я оставить всё как есть. Полицейскому, который врёт начальству, чтобы не получить выговор, следует узнать, чем это чревато. Лучше поздно, чем никогда. И лучше от меня, чем от кого-нибудь другого. О моём тяжёлом характере ходят легенды, однако на то они и легенды, чтобы приукрашивать мрачную действительность. И скрывать от широкой общественности моё совершенно непрофессиональное добродушие. Столь шокирующего откровения эта самая широкая общественность, пожалуй, не переживёт.

– Значит так, – подытожил я. – В палатку пророка вошёл белолицый человек в странной одежде. Когда некоторое время спустя ты туда заглянул... Кстати, а какое время спустя? Минуту? Больше?

– Да и минуты наверное не прошло, – признался Клус.

– Замечательно. Ты почти сразу заглянул в палатку и увидел – что?

– У него в руках был нож. Большой, очень хороший. Такой, что даже издали смотреть на него было страшновато, а это верный признак настоящего боевого оружия.

Интересное, кстати, наблюдение. И, скорее всего, верное.

– И что было дальше?

– Да ничего особенного. Человек с ножом стоял, а пророк смотрел на него и смеялся.

– Смеялся? Не кричал, не ругался, не пытался отобрать нож или ещё как-то защититься?

А просто смеялся?

Хлама Клус молча кивнул. Воцарилась тягостная пауза.

– Послушай, – наконец сказал я, – а с чего ты вообще взял, будто это было покушение?

– Ну, он же исчез, когда увидел меня. То есть сбежал. Значит, замыслил плохое. С ножом в руках!

– Да он мог просто смутиться. Или испугаться. Или решить, будто ты подслушал какую-нибудь ужасную правду о нём, и предпочёл скрыться подальше от такого свидетеля. А ты, толком не разобравшись, наплёл невесть чего, так что уже дело о покушении на пророка заведено. При том, что сам пророк не пострадал и никаких жалоб не приносил. Какая нелепость!

– Так вы думаете, не было покушения? – недоверчиво спросил капитан Друти Боумблах.

– Не знаю, – честно сказал я. – Будем разбираться, что там на самом деле произошло. В любом случае, это больше не ваша проблема.

– Да, точно, – оживился он. – Спасибо, что забрали это дело себе. Чем дальше, тем меньше мне хочется с ним разбираться.

– Пошли знакомиться с пророком, – сказал я Нумминориху. – Если хочешь, можешь зайти первым. А то от всей правды обо мне у кого хочешь нервы сдадут, ищи его потом по всем Приютам Безумных.

Нумминорих деловито кивнул и рванул в хвост очереди, хвала Магистрам, довольно небольшой. Я вчера думал, будет гораздо хуже.

Я пошёл было за ним, но напоследок всё-таки спросил Хламу Клуса:

– А ты сам просил пророка рассказать всю правду о тебе?

– Никак нет! – гаркнул тот и зачем-то подскочил, стукнувшись при этом об край прилавка. Отличный ход: это позволило ему зажмуриться от боли и, таким образом, избежать моего испытующего взгляда.

Но я и так уже понял две вещи. Во-первых, он, конечно же, расспросил пророка. Готов спорить, в первый же день, причём наверняка в обход очереди, воспользовавшись своим служебным положением. А во-вторых, ничего мне не расскажет. И вообще никому. Даже под пытками.

Ладно, чёрт с ним. Имеет полное право.

Очередь к пророку двигалась довольно быстро. Перед нами было чуть больше дюжины человек, и мало кто из них задерживался в палатке хотя бы на минуту. Выходили практически сразу, выглядели при этом задумчивыми, иногда озадаченными, но всё же скорее довольными, чем нет. Одна юная девица в диковинной шапке из кусочков меха, ткани, кожи и цветного стекла вышла, улыбаясь до ушей и убежала вприпрыжку, явно чрезвычайно воодушевлённая правдой о себе. Мрачным, испуганным или хотя бы просто огорчённым от пророка не выходил никто. По крайней мере, при нас такого не было.

Наконец пришла наша очередь, и я пропустил Нумминориха первым, как и обещал. Причём вовсе не из великодушия, просто его обоняние – самый безошибочный способ отличить спящего от бодрствующего. Мерцают они всё-таки далеко не всегда, опытные сновидцы умеют прикидываться своими в любой приснившейся им реальности, а вот от запаха собственного сна поди избавься. Впрочем, как я понимаю, никто и не пытается. Нюхачей вроде Нумминориха исчезающе мало, а что сновидение имеет ярко выраженный, отличный от всех прочих аромат, никому кроме нюхача и в голову не придёт.

В общем, храбрый первопроходец Нумминорих переступил порог полосатой палатки Правдивого Пророка, а минуту спустя вышел обратно. И это было незабываемое зрелище. В своём роде.

Перед поездкой в Нумбану мы оба изменили внешность. Я – самостоятельно, а Нумминорих с помощью сэра Кофы. Не то чтобы он совсем не владел этим искусством, просто опытный мастер, если необходимо, может внести изменения надолго; говорят, даже сто лет – не предел. А работа начинающего продержится хорошо если полдня. Моих усилий сейчас хватает максимум на трое суток, и это считается очень крутым достижением. То есть вызывает такое уважение окружающих, что они наотрез отказываются мне помогать. Говорят: «Отстань, ты уже и сам отлично справляешься», – и умывают руки, садистски ухмыляясь в усы, вне зависимости от их наличия. Я уже говорил, что меня окружают исключительно коварные злодеи и безжалостные мучители? Ничего, значит повторюсь.

Зато Нумминорих у нас по-прежнему считается почти беспомощным новичком, что, будем честны, уже давным-давно не соответствует истинному положению дел. Но, подозреваю, такое отношение к нему сохранится до тех пор, пока в Тайном Сыске не появится новый

сотрудник. Тогда вся снисходительная забота старших коллег обрушится на новичка, а Нумминориху придётся привыкать к полной самостоятельности.

Но пока этого не произошло, и все мы заботливо опекаем Нумминориха. Вот и сейчас, перед поездкой в Нумбану, вместо того, чтобы часами потеть перед зеркалом, добиваясь мало-мальски сносного результата, который ещё поди закрепи, он просто пошёл к Кофе, и тот разукрасил его как следует. Сэр Кофа Йох, как все нормальные люди, не особо любит работать за других, а когда всё-таки приходится, старается превратить рутинный труд в развлечение. Я хочу сказать, что выйти из его рук хотя бы умеренно привлекательным человеком можно только по специальному заказу начальства, если приятная внешность нужна для дела. Но так случается довольно редко.

На этот раз Нумминорих был осчастливлен отвисшими бульдожьими щеками, утопающим в них носом-кнопкой, небольшими круглыми глазками и мощной квадратной челюстью. Впрочем, сам пострадавший остался доволен своей новой внешностью, он вообще любит разнообразие.

Но дело, конечно, не в этом. А в том, что сейчас, когда Нумминорих вышел из палатки Правдивого Пророка, его новое комичное лицо стало полупрозрачным и зыбким, как озёрная вода. На дне этого водоёма явственно просматривалась настоящая физиономия Нумминориха, неопишимо довольная, хоть и порядком озадаченная, как у всех его предшественников.

«Ого как», – подумал я.

А больше ничего подумать не успел, потому что стоящие позади деликатно подтолкнули меня к входу – дескать, иди давай, не задерживай очередь. Нумминорих посторонился, пропуская меня. Сказал, воспользовавшись Безмолвной речью: «Пророк совершенно точно не спящий».

«Интересные дела», – откликнулся я. И вошёл в палатку.

...Притом, что внешность Правдивого Пророка нам вчера описывали неоднократно и все показания более-менее сходились, я всё равно был заранее готов увидеть всё что угодно – хоть обещанного пожилого джентльмена с зелёной косой, хоть толстую старуху вроде той, что торгует пророческими снами у нас в Новом Городе, хоть бородатого младенца, хоть огненный шар. Чем-чем, а разнообразием форм в Мире никого не удивишь. Единственное, к чему я не был готов – к отсутствию хозяина палатки. Поэтому, не застав там никого, удивился. Но не слишком сильно, всё-таки возможность становиться невидимым доступна многим мало-мальски сносным колдунам. Я и сам уже почти выучился... ну, то есть до настоящего «почти» мне ещё пахать и пахать, но какая разница, это же не я сейчас так беспардонно исчез.

Я открыл было рот, чтобы вежливо спросить, в какую филейную часть обитаемого Мира столь невовремя провалился уважаемый пророк, но меня опередили. Негромкий мужской голос сказал прямо мне в ухо, так что я почувствовал его дыхание, прохладное и явственно пахнущее свежескошенной травой:

– Правда о тебе заключается в том, что ты – сэр Макс из Ехо. И явился сюда, чтобы меня разбудить. Ничего не поделаешь, ладно, просыпайся.

– Эй, так нечестно! – возмутился я, сообразив, что, во-первых, мне не сообщили ничего нового о моей выдающейся персоне, а во-вторых, похоже, и не собираются.

Не успев договорить, я обнаружил, что никакой палатки больше нет, и на меня, разинув рты, глазееет небольшая толпа свидетелей её исчезновения.

– Что «нечестно»? – растерянно спросил кудрявый юноша, стоявший за мной в очереди к пророку.

– Куда всё подевалось? Где пророк? Что случилось? – вступил нестройный хор взволнованных граждан, лишённых долгожданного мистического откровения.

Поскольку у меня не было ни малейшего желания отвечать на все эти вопросы, а потом ещё и доказывать, что я не обижал, не пугал и не ел пророка, пришлось тоже исчезнуть. Одна надежда, что столько исчезновений сразу хоть немного развлечёт этих добрых людей, оставшихся сегодня без своей порции душераздирающей правды. Так уж им не повезло. И мне с ними за компанию.

Исчезнуть в моём случае означало просто уйти куда-нибудь Тёмным путём. Оригинальностью мышления я, увы, не блещу, поэтому мое «куда-нибудь» оказалось всего лишь гостиничным номером, где я незамедлительно рухнул на застеленную кровать, после чего понял, что изнываю вовсе не от усталости, а от досады. Похоже, я и правда рассчитывал услышать от некто-сти исчезнувшего пророка что-нибудь интересное. И это притом, что той правды, которую я о себе уже знаю, вполне достаточно, чтобы сойти с ума раз пять. Или даже шесть. Трудно вот так сразу точно подсчитать.

Какой же я, однако, жадина.

«Хорошо хоть Нумминориха вперёд пустил, – подумал я. – А то было бы одним разочарованным правдоискателем больше».

Вспомнив о Нумминорихе, я тут же сообразил, что мы с ним не сделали самого главного. Какое всё-таки счастье, что в Мирах есть Безмолвная речь.

Нумминорих, судя по всему, рассуждал так же. По крайней мере, тут же прислал мне зов. И задал совершенно закономерный в сложившихся обстоятельствах вопрос: «Куда ты подевался?»

«Я-то просто в гостиницу. А вот куда подевался Правдивый Пророк – это интересный вопрос. Можешь пойти за ним по его запаху?»

«В том-то и дело, что нет! Я как раз хотел тебе пожаловаться: он исчез вместе с запахами. Не только со своим, а вообще со всеми, включая запахи полотна и принесённых ему подарков. Хоть носом в землю заройся, а ничего не учуешь. Никогда раньше с подобным не встречался. Даже испугался сперва, что Пророк применил какое-нибудь очередное старинное зелье против нюхачей, но хвала Магистрам, вроде пронесло. Остальные запахи я по-прежнему различаю».

«И на том спасибо, – вздохнул я. – Ладно, тогда дуй сюда, пойдём домой переодеться. С этими рожами нам в Нумбане больше делать нечего».

– Он точно не пах сновидением? – спросил я, когда Нумминорих появился на пороге моей комнаты.

– Кто, пророк? Нет. А почему ты сомневаешься?

– Потому что он сказал мне: «Ты – сэр Макс, пришёл меня разбудить, ладно, просыпайся». После этого сразу исчезла палатка. Причём, по твоим словам, вместе с запахами. Как будто её владелец и правда проснулся. Получается, нет?

– Получается, – растерянно согласился Нумминорих. – Понимаешь, я совершенно уверен, что пророк – нормальный бодрствующий человек. И родом он из нашего Мира. Там такой букет легко опознаваемых ароматов, что ошибиться невозможно. Например, он явно провел предыдущую ночь на морском побережье, возможно даже купался, а сегодня на завтрак ел здешнюю фруктовую колбасу и какие-то сласти, скорее всего, по куманскому рецепту, на меду. Что касается постоянных привычек, он почти не ест мяса и кладёт в еду гораздо больше пряностей, чем принято в наших краях, не мёрзнет и не потеет, не держит в доме ни животных, ни птиц, в последнее время умывается белым песочным мылом, которого полно тут на ярмарке, наверное, получил его в качестве платы... Продолжать?

– Да, конечно. А ещё лучше запиши всё это, пока не забыл. Никогда заранее не знаешь, что может оказаться важным. Фруктовая колбаса, мыло или морские купания? Кстати о морских купаниях, получается, ночует он не в Нумбане?

– Именно, – кивнул Нумминорих. – И вряд ли на Гугландском или Уриуландском побережье: там сейчас довольно холодно, топят печи и жгут костры, а дымом от пророка практически не пахло. Только тем, что от ярмарочных кухонь до его палатки долетел, но это не в счёт... Ну и вообще маловероятно, что он откуда-нибудь из Хонхоны. И вряд ли из Чирухты. Пряности, мёд – всё это наводит на мысль об Уандуке. Но тогда получается, он живёт не в городе. И даже не в селении. Они же там благовония на себя льют практически вёдрами. И постоянно жгут их – не только в домах, но и на улицах, хочешь не хочешь, а насквозь пропитаешься местными ароматами, даже если сам никогда их не используешь. Я бы не удивился, если бы выяснилось, что пророк живёт отшельником, причём скорее на острове, чем на материке...

– Острова Банум подойдут? – спросил я. – Если уж у него волосы зелёные, как у тамошних уроженцев.

– Ну да, точно! – обрадовался Нумминорих. – Там, насколько я знаю, народу мало, и все живут довольно обособлено. Чужими благовониями не пропитаешься, если только с утра до ночи в гостях не сидишь... Но учти, он совершенно точно не тамошний уроженец. Родился и вырос где-то в Угуланде, близость к Сердцу Мира влияет на состав крови, а состав крови, соответственно, на запах тела, это факт. Плюс ещё некоторые нюансы. Готов спорить, что среди предков Правдивого Пророка были фаффы² и, скорее всего, хлеххелы³, но тут я не так уверен, потому что потомков хлеххелов встречал довольно мало... Ладно, не стоит пока тебя путать, да и вряд ли информация о предках пророка имеет значение. Просто имей в виду, что по происхождению этот предполагаемый житель Банумских островов – определённо наш.

– Интересно у некоторых складывается жизнь, – завистливо вздохнул я, забыв, что у меня она, строго говоря, сложилась ещё интересней. И умолк, чтобы не отвлекать Нумминориха, который достал самопишущую табличку и принялся конспектировать информацию о запахах пророка.

– Но, кстати, как минимум один сновидец в этой палатке сегодня всё-таки побывал, – неожиданно сказал Нумминорих, пряча табличку в карман.

– Ну здравствуйте! – огорчился я. – После всего вдруг выясняется! Приехали.

– Да куда мы не приехали. Если ты подумал, что я мог перепутать, то совершенно зря. Запах человека, который стоит рядом, гораздо сильнее, чем запахи людей, которые уже покинули помещение. Тут сомнений быть не может. Если я говорю, что сновидец заходил в палатку какое-то время назад, значит, так оно и есть.

– Ну, будем надеяться, – вздохнул я.

Не то чтобы я не доверял Нумминориху. Наоборот, его чуткий нос кажется мне одним из самых надёжных приборов во Вселенной. Просто очень трудно иметь дело с информацией, которую ты физически не способен перепроверить лично. Я-то сам ничего не унюхал в той палатке, разве только дыхание невидимого собеседника, явственно пахнувшее свежескошенной травой. Причём вполне возможно, просто от какой-нибудь местной жевательной конфеты, которую пророк сунул за щёку перед моим приходом – такая ничего не значащая ерунда, что Нумминорих даже упоминать об этом не стал.

² *Фаффы* – так называемые «невидимые люди». Отличаются удивительным свойством то и дело исчезать или просто сливаться с окружающим миром. В комнате их нередко принимают за предмет обстановки, в лесу – за дерево, а в пустом пространстве их вообще не разглядеть. Фаффам приходится прилагать специальные усилия, чтобы оставаться видимыми и выглядеть как люди. Но их потомки от смешанных браков с людьми или крайями невидимость не наследуют. Считается, что и сами фаффы, и их потомки очень легко обучаются Очевидной магии. Общеизвестно, что основатель Соединённого Королевства Халла Махун Мохнатый был чистокровным фаффом. Собственно говоря, «Мохнатым» его прозвали из-за шубы, с которой Халла Махун не расставался даже летом, заботясь о том, чтобы его всегда было видно.

³ *Хлеххелы* отличаются от обычных людей, в первую очередь, способностью и (зачастую, но не всегда) потребностью подолгу жить под водой. В Ехо живет несколько семейств чистокровных хлеххелов, и все они имеют по два дома – на суше и на дне Хуруна. Городские власти отвели им под строительство специальный участок реки, там, где не ходят суда.

– Я бы, кстати, не удивился, если этим сновидцем был незнакомец с ножом, всполошивший местную полицию, – заметил Нумминорих. – И тогда ясно, почему пророк смеялся. Это же действительно очень смешно: в череде обычных клиентов вдруг появляется человек, которому ты просто приснился. И почему он внезапно исчез, тогда тоже понятно – просто проснулся, когда сон перестал ему нравиться. Я бы на его месте тоже так сделал, если бы мне приснилось, как полицейский застукал меня с огромным ножом. Обычно ничего хорошего от таких сновидений ждать не приходится... Ладно, не буду зря гадать, но сам Правдивый Пророк – совершенно нормальный бодрствующий человек. Это я тебе гарантирую.

– Договорились, – кивнул я. – Значит, я всё-таки продул Джуффину полдюжины корон. Не надо было соглашаться на это дурацкое пари. С таким азартным начальством никакого жалования не хватит. Зато теперь у нас есть отличная дополнительная загадка: зачем пророк меня обманул? Если он действительно видит всех насквозь, должен был понимать, что обман быстро раскроется. А если шарлатан...

– Мне кажется, Правдивый Пророк совсем не шарлатан, – возразил Нумминорих. – Просто наверное знает о людях не всё, а только самое главное. Ну, то, что кажется главным ему. Во всяком случае, он не сказал мне, что я нюхач. И о том, что я из Тайного Сыска – ни слова. С другой стороны, зачем лишний раз сообщать человеку, что тот и сам о себе распрекрасно знает? По идее, пророки нужны, чтобы открывать нам тайны.

– А это будет совсем бесцеремонное свинство, если я спрошу?..

– Что сказал мне Правдивый Пророк? Да ну, совершенно никакого не свинство. Потому что, во-первых, я всё-таки на службе, и должен делиться полученной информацией с коллегами. А во-вторых, мне не кажется, что это такой уж великий секрет. Ты же всё равно знаешь, как я родился.

Ох, да. Знаю.

Нумминорих родился только потому, что его мать пожалела свою подругу, чей единственный сын погиб в начале Смутных Времени, не оставив наследников. Будучи одной из лучших учениц Великого Магистра распущенного к тому моменту Ордена Часов Попятного Времени Мабы Калоха, леди Лайса сумела помочь этому горю. Пересекла Мост Времени, разыскала и соблазнила обречённого, а забеременев, вернулась домой, в смысле, в своё «сегодня» и родила сына – в положенный природой срок и при этом шесть, что ли, дюжин лет спустя после смерти его отца. Вот так выглядит безупречное сострадание мага: если не можешь махнуть рукой на чужое горе, действуй, а если выяснится, что помочь совершенно невозможно, действуй всё равно.

– Так что, пророк просто пересказал тебе историю твоего рождения? – спросил я.

Нумминорих отрицательно помотал головой.

– Он сказал другое. Что из-за этого я...

Он запнулся и умолк. Ишь, нахватался дурных манер от начальства. Пауза в самом интересном месте – фирменный стиль сэра Джуффина Халли. Единственное его умение, которое, на мой взгляд, никому не следовало бы перенимать.

Нумминорих явно догадался, о чём я думаю. Улыбнулся и поспешно сказал:

– Я не специально тяну. Просто не знаю, как сформулировать. Когда пророк говорил, это совершенно нормально прозвучало, а теперь, у меня в голове, как будто глупое хвастовство...

– Говори как есть, – посоветовал я. – По крайней мере, тогда я не умру у тебя на руках от любопытства. И тебе не придётся часами околачиваться в кабинете нашего нового приятеля, выпрашивая у него официальное разрешение на перевозку трупа в открытом амобилере.

– Пророк сказал, что я могу быть проводником по Мосту Времени, – выдохнул Нумминорих. – Для тех, кто ушёл в другое время и хочет вернуться туда... в тогда, когда уходил. Вроде бы, потому, что я проделал этот путь ещё до рождения, не обладая ни сознанием, ни волей... В общем, я сам толком не понимаю, как это всё устроено. Но если у нас кто-нибудь

вдруг заблудится во времени, имей в виду, что я – вот такой полезный талисман. Мне даже делать ничего особенного не надо – просто сидеть и ждать. И не сомневаться, что ушедший вернётся. Но не сомневаться, ты знаешь, я как раз неплохо умею.

– Надеюсь, лично мне ты в этом качестве никогда не понадобишься, – сказал я. – Жуткая всё-таки штука этот ваш Мост Времени. Совершенно невозможная! Некуда по нему ходить, потому что никакого прошлого нет. И, тем более, будущего.

– Но маме же удалось, – заметил Нумминорих. – И не только ей.

– Вот именно. В том и ужас, что некоторым удаётся! Притом что, как мне недавно объяснили, ступивший на Мост Времени отменяет сам факт своего существования. Исчезает – ото-всюду, целиком, навсегда. А потом усилием воли заставляет себя появиться снова, там и тогда, когда необходимо. Кто и кого заставляет – это, конечно, отдельный интересный вопрос... Ну уж нет! Даже думать об этом не хочу.

– А по-моему, в такой формулировке как раз очень здорово получается, – обрадовался Нумминорих. – Отменить себя, ну точно же! Сразу стало понятно, почему путешествие во времени всё-таки возможно. А то раньше и у меня в голове это совершенно не укладывалось.

– А теперь, значит, укладывается? – вздохнул я. – Ну-ну. Всегда знал, что моё общество не доведёт тебя до добра. Если так, придётся тебя его лишиться. Жди меня здесь, я скоро вернусь.

– Так мы же вроде вместе домой собирались?

– Собирались. И продолжаем собираться. В смысле скоро туда пойдём. Просто сперва мне придётся совершить небольшое путешествие во времени, чтобы исправить одну роковую ошибку. Всего на полчаса назад, не о чем говорить.

– Что?!

– На самом деле я просто собираюсь вернуться на ярмарку. Я там кое-что не сделал. Так растерялся, что забыл. Но это, надеюсь, поправимо.

Место, где стояла палатка предсказателя, уже было, как и следовало ожидать, оцеплено Нумбанской полицией в лице рыжего капитана Боумблаха и его малахольного подчинённого. Увидев меня, эти двое вздохнули с явным облегчением. Я так понимаю, они как раз пытались сообразить, как следует трактовать моё исчезновение, последовавшее сразу за исчезновением Правдивого Пророка. Бегство с места преступления? Мистическая отлучка по служебной надобности? Или, чего доброго, внезапная гибель от рук неведомого и невидимого врага? И тут вдруг я снова объявляюсь собственной персоной. Такая удача!

– Всё в порядке, не о чем беспокоиться, – сказал я полицейским. – Ваш пророк исчез, потому что не захотел со мной разговаривать. Надеюсь, вернется после того, как я уберусь из Нумбаны.

– Но почему?.. – растерянно спросил капитан.

– Может быть, ему открылась такая ужасная правда обо мне, что вслух говорить неловко? – предположил я.

Рядовой Хлама Клус уставился на меня с нескрываемым интересом, а его начальник, напротив, тактично отвёл глаза. Уж не знаю, что там они оба нафантазировали, но я не дал им опомниться.

– Так или иначе, расследование предполагаемого покушения на Правдивого Пророка по-прежнему остаётся за нами. А больше тут расследовать нечего. Пророк, как я понимаю, и раньше исчезал вместе со своей палаткой. А потом опять появлялся. Верно?

– Дда, ннноооо... – неуверенно протянул толстый капитан, по-прежнему не решаясь встретиться со мной взглядом.

– Он по вечерам исчезал, когда ярмарка закрывалась, и люди расходились, – пояснил рядовой Хлус. – А чтобы среди бела дня, пока к нему очередь стоит – не было до сих пор такого.

– Ну, просто день у него не задался, – объяснил я. – Так иногда бывает. Сперва ты клиента с ножом спугнул, потом ещё я со своими ужасными тайнами припёрся. Чем не повод закончить работу пораньше? В общем, на вашем месте я бы занялся другими делами. Подозреваю, их у вас полно.

Полицейские удивлённо заморгали, но уходить явно не торопились.

– Ладно, если хотите, оставайтесь, – великодушно согласился я. – Мне вы, в любом случае, не мешаете. Палатка стояла прямо тут, я правильно запомнил? Ага, сам уже вижу, что правильно.

Удивительная всё же штука материальный мир. Ярмарочная палатка колдуна появляется по его воле из ниоткуда и исчезает потом тоже в никуда, а следы от державших её колышков остаются, как миленькие. Такие пустяки почему-то удивляют меня гораздо больше, чем самые эффектные чудеса, к ним-то я как раз быстро привык.

Но сейчас мне было не до чудес. Надо было поискать след Правдивого Пророка. Если он, как утверждает Нумминорих, бодрствовал, значит, скорее всего, просто ушёл с ярмарки Тёмным Путём. И палатку с собой как-нибудь прихватил. Я так не умею, но я вообще довольно много чего не умею, особенно когда речь заходит об Очевидной магии. Не с того учиться начинал.

Но важно сейчас не это. А тот факт, что бодрствующие люди, в отличие от тех, кому мы просто снимся, обычно оставляют следы. А по следу можно найти кого угодно, даже если он ушёл Тёмным Путём. Вот это я как раз умею очень хорошо. И отличить след могущественного человека от прочих обычно тоже вполне способен. То есть, проблем с поисками Правдивого Пророка у меня, по идее, не должно было возникнуть.

Но они всё равно возникли. Причём по причине настолько простой, что даже я сразу всё понял. Следы пророка и всех его сегодняшних посетителей, исчезли вместе с самой палаткой. Потому что находились на её матерчатом полу, а не на земле под ним.

Ладно, хорошо. По крайней мере, теперь окончательно ясно, что палатка была настоящая. Не иллюзия, созданная умелым сновидцем, а нормальный ярмарочный шатёр из дешёвой полосатой ткани, каких здесь великое множество. Нос Нумминориха – это, конечно, серьёзный аргумент, но лишнее доказательство подлинности пророка, полученное при помощи собственных органов чувств, всё равно не повредит.

На этом месте я послал зов шефу и сказал: «Поздравляю, я продул тебе шесть корон. И в связи с этим требую немедленно собрать совещание».

«Чтобы всей оравой прокутить мой выигрыш? – возмутился Джуффин. – Ну уж нет!»

«Это будет совершенно аскетическое совещание, – пообещал я. – Впрочем, могу прихватить с ярмарки пару бутылок местного вина позапрошлогоднего урожая. Ходят слухи, оно настолько не удалось, что это даже своего рода успех – произвести столь феерическую дрянь. Некоторые сообразительные виноделы прилепили к бутылкам этикетки «Ландаландская жуть», и его тут же стали раскупать столичные любители экзотики и любопытные иностранцы».

«Уговорил, – согласился шеф. – «Ландаландская жуть» – серьёзный повод для экстренного совещания».

– Не такая уж она и жуткая, эта твоя жуть, – сварливо сказал сэр Кофа, пригубив свою порцию.

– Не моя, а Ландаландская, – педантично уточнил я. – Своей жутью ни за что не стал бы с вами делиться.

– И хвала Магистрам, – восторженно воскликнул Мелифаро. – Не хотелось бы погибнуть во цвете лет вот прямо сегодня. Хотя, с другой стороны, скоро конец года⁴, так что может быть зря я так цепляюсь за жизнь...

– Просто не надо никогда никому ничего обещать, – невинно посоветовал я. – А если всё-таки случайно сорвалось с языка, лучше сразу же сделать, выдохнуть и забыть.

– Кому, интересно, ты пообещал превратиться в чудовищного зануду? – огрызнулся он. – И до конца года тянуть не стал, молодец. Сразу всё получилось.

– Да, – кротко согласился я. – Нам, гениям, всё легко удаётся.

– Ну, положим, не всё. Пророк-то от тебя смылся, – заметил Джуффин. – Да и твоя попытка нас отравить позорно провалилась. «Ландаландская жуть» совершенно не оправдывает своё название. Хотя кислятина конечно редкостная, кто бы спорил.

– А мне нравится, – сказала Меламори.

Обвела всех присутствующих надменным взглядом последнего воина всех времён и мелкими медленными глотками, какими принято пить только редкие коллекционные вина, выдула свою порцию ярмарочной бурды. Ужасно смешно, но следует понимать, что для девушки из аристократической семьи, которую с детства учили отличать «Муримахский огонь» урожая второго года Эпохи Кодекса от «Зелёного пламени» двенадцатого и показательно падать в обморок при виде неправильно подобранных бокалов для дегустации, подобное надругательство над винодельческими канонами – не просто дурацкая выходка, а по-настоящему мужественный поступок, как всякое преодоление себя.

– С тобой ещё поделиться? – ласково спросил сэр Кофа, добрейшей души человек, злодей, каких мало.

Меламори и бровью не повела.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила она. – Это чрезвычайно великодушное предложение, но было бы несправедливо лишать вас шанса насладиться изысканными нюансами вкуса этого уникального в своём роде напитка.

В такие моменты я испытываю почти непреодолимое желание гордо сообщать всем присутствующим: «Это моя девушка!» И повторять, пока они не позеленеют от зависти, которую сами обычно ошибочно принимают за сострадание. Но правила хорошего тона вынуждают меня держать себя в руках.

Тем более, присутствующие вообще-то и так в курсе.

– Слушайте, – внезапно сказал Нумминорих, – а о Правдивом Пророке вам совсем-совсем неинтересно говорить?

Мы озадаченно переглянулись. Балаган вроде текущего – обязательная часть наших рабочих совещаний. Просто потому что человек так устроен: в несерьёзном настроении соображает лучше, чем в серьёзном. Может быть, не всякий человек, но сотрудники Тайного Сыска – определённо. И всякий раз, когда прискорбные обстоятельства не давали нам как следует развеселиться, мы искали правильное решение гораздо дольше. И далеко не всегда находили его с первой же попытки, хотя очень старались – такой вот парадокс.

Нумминорих, по идее, давным-давно должен был к этому привыкнуть.

– Просто меня распирает от любопытства, – признался он. – Кто этот человек, который знает обо мне такие удивительные вещи? Можно ли ему доверять? И, самое главное, почему он сказал мне именно эту правду, а не какую-нибудь другую? Правду о любом человеке можно говорить годами, но Правдивый Пророк справляется за минуту. Значит, говорит только то, что

⁴ Жители Соединённого Королевства считают, что к последнему дню года должны быть выполнены все данные в течение этого периода обещания, розданы долги, оплачены счета, приняты приглашения и разосланы ответы на письма. Если учесть, что это ещё и время сдачи годовых отчётов во всех государственных учреждениях, становится понятно, почему конец года является очень непростым периодом для подавляющего большинства граждан.

считает самым важным? Интересно, он сам выбирает, кому что сказать? Или у него в голове звучит одна фраза, и пророк её повторяет, не задумываясь? Хотел бы я всё это знать!

– Да, я тоже хотел бы знать, почему он сказал тебе именно то, что сказал, – кивнул Джуффин. – Всё остальное как раз более-менее понятно.

И снова умолк. Говорю же, паузы в разговоре – его любимый пыточный инструмент.

Ну зато все сразу примолкли. И приготовились слушать. Даже Кофа прекратил разглядывать свой бокал так сосредоточенно, словно под его тяжёлым взглядом вино могло устыдиться и самостоятельно повысить своё качество.

Впрочем, я бы совершенно не удивился, если именно так и происходит всякий раз, когда сэру Кофе Йоху попадается небезупречный напиток.

– Магистр Хонна к нам пожаловал, – наконец сказал Джуффин. Будничным таким тоном, каким обычно сообщают о возвращении из отпуска шеф-повара соседнего трактира.

– Кто?! – не веря своим ушам, переспросил я.

Больше никто не стал задавать этот вопрос вслух. Ограничились взглядами. Будь на месте Джуффина менее могущественный колдун, от него небось и пепла не осталось бы. Но шеф Тайного Сыска – существо чрезвычайно живучее.

– Хонна, Великий Магистр Ордена Потаённой Травы, – флегматично повторил он.

– Ну ни хрена себе поворот! – восхитился я.

Дружный вздох коллег свидетельствовал, что мне удалось выразить общее отношение к этой новости.

– Согласен, – кивнул Джуффин, – довольно неожиданно. В своё время Магистр Хонна поклялся, что ноги его в Соединённом Королевстве больше не будет. Но, получается, передумал. Интересно, почему?.. Ладно, в любом случае, имеет полное право. Решение Канцелярии Скорой Расправы о пожизненном изгнании для всех членов Ордена Потаённой Травы мы аннулировали сразу же после отъезда Нуфлина в Харумбу⁵. Этого требовала элементарная справедливость: деяний, наносящих сколь-нибудь существенный вред Соединённому Королевству, они никогда не совершали. Защищались так, что земля дрожала, это да, но право защищать свою жизнь и имущество священно во все времена.

– А почему тогда?.. – начал было Нумминорих.

Джуффин отмахнулся от вопроса, даже не дослушав.

– Ну а как ты сам думаешь? Общеизвестно, что Нуфлин люто ненавидел Хонну; говорят, натурально рыдал от злости, когда узнал, что тот распустил свой Орден и отправился неведомо куда, лишив Великого Магистра Семилистника сладкой надежды на публичную казнь соперника когда-нибудь в будущем. Ну хоть к пожизненному изгнанию заочно приговорил, отвёл душу. Все понимали, что это несправедливо, но сделка есть сделка.

– Сделка? – благоговейно переспросил Нумминорих.

Кому-нибудь другому Джуффин сейчас наверняка велел бы не отвлекаться на ерунду и не мешать работать всем остальным. Но совершенно невозможно противостоять Нумминориху, когда в нём просыпается вечный студент, алчущий знаний из первых рук и не способный ими пресытиться.

Поэтому Джуффин начал объяснять:

⁵ То есть, строго говоря, после смерти. Харумба – город мёртвых в Уандуке; те немногие, кому удалось купить или иным образом заслужить право там поселиться, получают возможность вести после смерти привычный образ жизни, только в более комфортном варианте, без болезней и повседневных хлопот. Однако возможности покинуть Харумбу или каким-либо образом продолжать общение с оставшимися в живых у них нет; впрочем, известны прецеденты, когда некоторым особо настырным покойникам удавалось уговорить стражей Харумбы передавать живым их письма. Всё тот же Нуфлин Мони Мах, узнав, что место Великого Магистра Ордена Семилистника через несколько лет после его смерти занял Шурф Лонли-Локли, бомбардировал гневными посмертными письмами Короля, леди Сотофу Ханемер и вообще всех подряд, включая редакции газет. И бессмертные стражи Харумбы как миленькие мотались с почтой с континента на континент, потому что им самим было интересно, чем это дело закончится.

– Главным камнем преткновения при создании Кодекса Хрембера была смертная казнь. Его Величество Гуриг Седьмой придерживался мнения, что закон, допускающий смертную казнь, навлекает проклятие на правителей и, в конечном итоге, приводит государство к гибели, а Нуфлин Мони Мах настаивал, что в некоторых исключительных случаях высшая мера наказания бывает необходима. Я, разумеется, понимал, что дай Нуфлину волю, и «исключительными» будут объявлены вообще все случаи, включая несанкционированную попытку какой-нибудь бедной сиротки понюхать цветы, выросшие за оградой Иафаха, поэтому твёрдо держал сторону Короля, но наше единодушие только раззадорило старика. К счастью, против смертной казни выступала ещё и леди Сотофа, а раскол внутри Ордена пугал Нуфлина куда больше, чем перспектива новой гражданской войны. Благодаря Сотофе нам удалось прийти к компромиссу: мы с Королём получили полный и безоговорочный запрет смертной казни, а Нуфлин – согласие на бессрочную ссылку всех его заклятых врагов, кроме, разве что, меня. Но это уже совсем другая история.

– Всё это хорошо, – нетерпеливо сказал Кофа. – Но с чего вы вообще взяли, будто ярмарочный пророк – Великий Магистр Ордена Потаённой Травы? Вы с ним уже виделись?

– Да нет, конечно. Просто описания запаха вполне достаточно.

– Запаха? Погодите, но разве в Смутные Времена на вас работали нюхачи?

– Чего не было, того не было. Отчёт Нумминориха чрезвычайно интересен, но узнать Хонну по этим приметам я бы не смог. Зато когда Макс сказал, что дыхание его невидимого собеседника было холодным и пахло свежескошенной травой, я сразу понял, с кем он повстречался. Великий Магистр Ордена Потаённой Травы собственной персоной, причём в чрезвычайно приподнятом настроении. Когда Магистр Хонна спокоен, его дыхание становится тёплым, как у всех нормальных людей, а травяной запах пропадает, во всяком случае, делается неразличимым для людей с обычным обонянием. Такая вот у него особая примета. Удивительно, кстати, что вы не знали.

– Ну так я никогда не встречался с ним лично. Великим Магистрам не было дела до начальника Правобережной полиции, а мне – до них. Нашему ведомству всё больше с несмышлёной орденской молодежью приходилось разбираться, одни только развесёлые налёты юных послушников на винные лавки чего стоили... Ладно, дело прошлое. Теперь их выходки интересны только историкам. Хотел бы я сказать то же самое о нашем высоком госте! Что мы с ним делать-то будем?

– Делать? – переспросил Джуффин. – Боюсь, пока ничего. Если Великому Магистру Хонне угодно развлекаться, пророчествуя на ярмарках, это его частное дело. Конечно, лицензии на занятия магией у него нет. И крепко сомневаюсь, что он намерен в ближайшее время исправить это досадное недоразумение. Но это может стать проблемой, если Хонна заявится в Ехо, а в провинции лицензия относится к разряду желательных, но не обязательных документов для практикующего колдуна.

– А я вам с самого начала говорил, что подобное послабление для провинций – большая ошибка, – заметил Кофа.

– Возможно, вы были правы. А возможно, всё-таки нет, – пожал плечами Джуффин. – Время покажет. Что касается Магистра Хонны, лично я не испытываю ни малейшего желания портить ему удовольствие. Честно говоря, я рад, что он вернулся.

– Надо же. А он вас, помнится, здорово недолюбливал.

– Ещё бы! И вы, кстати, тоже, – ухмыльнулся шеф. – И правильно делали, оба. За что меня было любить?

– Может быть, и дед теперь нас навестит? – вдруг сказал Мелифаро. – Здорово было бы с ним наконец познакомиться.

Его дед, Фило Мелифаро, был Старшим Магистром Ордена Потаённой Травы, всеобщим любимцем, героем множества завиральных городских легенд и, насколько я мог судить,

несколько раз переночевав в обустроенной им спальне их семейного дома, совершенно восхитительным колдуном, чрезвычайно полезным для моего душевного здоровья. Слов нет, как прекрасно мне спалось в комнате Магистра Фило! И просыпался я потом в отличной форме, как бы худо мне ни было накануне. Собственно, затем я и напрашивался время от времени в гости к семейству Мелифаро – спастись в дедовской спальне от всех своих бед, главной из которых всегда был я сам, а от такого горяшка захочешь, не отмахнёшься.

– Всё может быть, – согласился Джуффин. – Но я бы на твоём месте не особо на это рассчитывал. Тот факт, что ребята из Ордена Потаённой Травы дружно рванули искать своего Великого Магистра, совершенно не означает, что они его в итоге нашли. И, тем более, что, отыскав, так и бегают за ним хвостиком.

– Конечно, не означает. Но вдруг? Я бы хотел.

– Интересно, за какой драной собачьей задницей этот искатель приключений притащился на ярмарку? – сердито спросил Кофа.

Судя по возведённым к потолку глазам, ответа он ждал не от присутствующих. Но Джуффина это не смутило.

– На что я готов спорить прямо сейчас, не сходя с места, это должна быть совершенно удивительная задница, – мечтательно сказал он.

Я уже давно не видел шефа Тайного Сыска в настолько приподнятом расположении духа. Всё-таки с тех пор, как Мир окончательно раздумал рушиться, а столица Соединённого Королевства вдруг принялась процветать с утроенным энтузиазмом, в жизни сэра Джуффина Халли стало гораздо меньше азарта. Большая игра, как ни крути, закончилась, а что его победой, так это дело десятое. Он из тех игроков, которые самый большой выигрыш кладут в карман с досадой, недоумённо спрашивая себя: «Как, и это всё?!»

И тут вдруг такая удача – сам Великий Магистр Хонна собственной персоной пожаловал. На национальное бедствие его возвращение, конечно, не тянет. Но всегда остаётся надежда, что за время скитаний у старика мог испортиться характер. Или, к примеру, проснулись политические амбиции, и он решил захватить власть над Миром, патриотично начав грядущие завоевания с Соединённого Королевства. А даже если не так, всё равно любой могущественный колдун – что-то вроде бомбы с часовым механизмом. Никогда не знаешь, чего ждать от человека, способного завязать узлом все дороги Угуланда, или на сутки поменять местами центральные улицы столицы, а Магистр Хонна, говорят, ещё и не такое вытворял.

Именно поэтому сэр Кофа Йох, который любит, чтобы всё вокруг было в порядке, теперь сидит мрачнее тучи. А Джуффин, того гляди, засияет, как гигантский гриб в светильнике. Тогда, кстати, имеет смысл перенести его письменный стол на крышу, и проблема недостаточного освещения улиц Старого Города, о которой с неукротимой страстью пишет в последнее время столичная пресса, будет, таким образом, решена раз и навсегда.

Что касается меня, я искренне разделял чувства обоих. Потому что мне нужно всё сразу – и полный порядок в Мире, и новая большая игра. И пирожков на сдачу. Причём пирожков желательно вот прямо сейчас. Завтрак-то мне доесть не дали, а с тех пор вечность уже прошла.

– Самое интересное – это конечно его намерения, – говорил, тем временем, Джуффин. – Хонна, сколько бы ни судачили о его легкомыслии недоброжелатели, очень умён и, что гораздо важнее, чрезвычайно эффективен. В отличие от большинства своих коллег, он ничего не делает просто так, даже когда развлекается. В любом его действии есть практический смысл. Чего бы мне сейчас хотелось, так это выслушать людей, которые побывали у него в палатке. Что за правду он им открыл? Судя по тому, что узнал о себе Нумминорих, это должна быть очень интересная правда. И сумма разных правд могла бы приоткрыть нам его карты. Да где ж её возьмешь, эту сумму? В мирное время право граждан на личные тайны охраняется законом и может быть нарушено только в интересах официального расследования преступления. Я сам когда-то настоял на внесении в Кодекс Хрембера соответствующей статьи, и не мне её нару-

шать. А жаль! Повода для официального расследования у нас пока нет; подозреваю, что и не будет. А загадка есть. И что, спрашивается, делать?

– Во-первых, послать заказ в «Обжору», если моя жизнь всё ещё представляет хоть какую-то ценность для общества, – сказал я. – А потом ещё раз послать, причём всех сразу. В Нумбану, за пророчествами. Если, конечно, пророк, в смысле, Магистр Хонна вернётся на ярмарку. Надеюсь, я его своим появлением не особо ужаснул. Когда мы виделись в прошлый раз, он выдурил у меня меч Короля Мёнина в обмен на жизнь Магистра Нуфлина, лично для меня совершенно бесполезную и к тому моменту практически завершившуюся⁶. По-моему, после этого логично было бы прийти к выводу, что иметь со мной дело легко и приятно...

– Так, стоп, – потребовал Джуффин. – Не тараторь. «Всех сразу» – это кого?

– Да нас, конечно. В смысле вас, потому что я в Нумбане уже был, и ничего хорошего из этого не вышло. А то я бы всю правду о себе вам сейчас выложил, вслед за Нумминорихом. Не уверен, что мне бы этого хотелось, но крепко подозреваю, что в отличие от граждан Соединённого Королевства, моё право на личные тайны Кодексом Хрембера не очень-то охраняется. И ваше тоже. Служба есть служба, в интересах дела можно и всю правду о себе рассказать. Вас шестеро, плюс Нумминорих, с которым уже всё ясно. Семь правд – лучше, чем одна. Возможно, после этого стратегия Магистра Хонны станет нам более-менее понятна?

– Очень разумно, – поддержал меня Кофа. – Плюс у меня на сегодняшний день несколько дюжин постоянных осведомителей; не факт, что все согласятся ехать в Нумбану, а потом открывать мне свои секреты, но за половину, пожалуй, поручусь.

– Очень хорошо. И мне тоже найдётся, кого попросить о такой услуге, – задумчиво кивнул Джуффин.

– Я могу поехать в Нумбану с женой, – предложил Мелифаро. – Думаю, Кенлех согласится нам помочь. И может быть, мама с папой тоже захотят? И Бахба? Я их спрошу. Жалко, Анчифа сейчас в море, он бы точно к нам присоединился. Он такие штуки любит.

– И Хенна любит, – подхватил Нумминорих. – Можно её позвать?

– Нужно, – решительно сказал Джуффин. – Чем больше народу отправится к пророку за правдой, а потом любезно перескажет её мне, тем лучше. А теперь шагом марш обратно в Нумбану. Как только палатка Правдивого Пророка снова появится на ярмарке, дай мне знать.

– Сейчас съём что-нибудь, и сразу отправимся, – пообещал я.

– Ну уж нет. Нумминорих как-нибудь сам справится. Сам видишь, от тебя уже Великие Магистры шарахаются. С такими талантами к устрашению лучше дома сидеть.

– Ладно, – согласился я, – буду сидеть, мне же лучше. Я, как в очередной раз выяснилось, всё-таки не создан для массовых увеселений.

– Да, – авторитетно подтвердил Джуффин, – у тебя несколько иная специализация.

– Вот она, моя специализация, – нежно сказал я, приветствуя первое блюдо с пирогами, влетевшее прямо в распахнутое окно Зала Общей Работы.

Всё-таки нынешняя доставка еды из трактиров – это нечто. Именно так я всю жизнь и представлял себе настоящие чудеса.

Час спустя всё было кончено. То есть с пирогами кончено, остальные участники совещания уцелели, а Нумминорих ещё и дивным образом преобразился. В смысле получил новую рожу взамен прежней, уже не такую ужасную. То ли Кофе надоело издеваться над людьми, то ли известие о пришествии Великого Магистра Хонны внезапно пробудило в нём кротость и сострадание к ближним; по крайней мере, Нумминорих стал пожилым, но вполне симпатичным зажиточным ремесленником – о последнем, конечно, свидетельствовали не черты лица, а скромный консервативный костюм из хорошей туланской шерсти, полустёртый цеховой герб

⁶ Подробно эти события изложены в повести «Белые камни Харумбы».

на старинной булавке для лоохи и специальные перчатки с отверстиями на кончиках пальцев, удобными для мелкого прикладного колдовства прямо на улице.

Важно, впрочем, не это, а тот факт, что в Нумбану Нумминорих отправился Тёмным путём. Сам, без меня. Ну, то есть не совсем сам, а по моему запаху, точно так же, как я когда-то ходил по чужому следу, любой Мастер Преследования так начинает знакомство с Тёмным путём, а для нюхача запах – тот же след, ничего особенного тут нет. Собственно, Нумминорих уже сто раз это проделывал, но всегда в моём обществе, под присмотром. А тут – один. За полторы, что ли, секунды, прошедшие между его исчезновением и отчётом: «Всё в порядке», – я не посидел только потому, что от переживаний на самом деле вообще никто не сидит, это просто миф, дурацкий, но на удивление живучий.

Потом мы все старательно делали вид, будто спокойно занимаемся своими делами. Ну, то есть какими-то делами мы действительно занимались, но до «спокойно» нам было очень далеко. С одной стороны, ясно, что палатка Правдивого Пророка снова появится на ярмарке, в лучшем случае, завтра, а ещё вероятнее, только через несколько дней, поэтому ждать сообщения от Нумминориха сегодня явно не стоит. А с другой, всё равно больше ни о чём толком думать не могли. И не потому, кстати, что мы такие уж нервные и впечатлительные; я-то, положим, да, но мои коллеги, мягко говоря, не слишком. Просто все по-настоящему могущественные маги обладают удивительной способностью притягивать к своей персоне чужое внимание. Вспомнишь кого-нибудь из них случайно, просто к слову, а потом весь день только о нём и думаешь, совершенно невозможно выкинуть из головы. Я не раз замечал подобный эффект, и все, с кем я его обсуждал, включая Джуффина и сэра Шурфа, чья дисциплина сознания находится на запредельном по моим меркам уровне, подтверждают: так оно и есть.

А если учесть, что к Великому Магистру Хонне у всех нас теперь был особый интерес, потому что сдохнуть же от любопытства можно, гадая, что за правду он расскажет тебе и остальным, неудивительно, что мысли о нём заняли всё свободное пространство в наших бедных головах.

В общем, лично я на нервной почве освоил таки трюк с превращением в невидимку, хотя ещё два дня назад мне казалось, я и за год этому не научусь. Изнывавший от нетерпения Мелифаро между делом благополучно расшифровал дневник куанкурохского математика, выяснил, что тот специально прибыл в Соединённое Королевство с целью научиться превращаться в какой-нибудь неодушевлённый предмет и на собственном опыте выяснить, что при этом происходит с сознанием; вычислить, какой из сундуков в гостиничном номере лишний и помочь ему вернуться в исходное антропоморфное состояние после этого открытия оказалось совсем несложно. А Джуффин потом по секрету признался мне, что в одиночку подготовил черновик грядущего годового отчёта, что в прежние годы занимало у него не меньше полудюжины дней. Удивительно всё же, на какие чудеса мы оказываемся способны, когда берёмся за них только для того, чтобы отвлечься от более насущных проблем.

Страшно подумать, сколь невиданных высот Очевидной Магии я достиг бы за оставшуюся часть вечера, но на пути моего стремительного духовного роста встал сэр Кофа. Он всегда готов помочь немного притормозить. Например, прислать зов и сказать волшебное слово: «Пошли». В Кофиных устах это заклинание обычно сулит небывалое блаженство. В смысле, какой-нибудь новый или просто неизвестный мне прежде трактир с совершенно сногшибательной кухней.

Поэтому я не стал переспрашивать: «Куда?» – или, упаси боже: «Зачем?» А просто встал и пошёл как миленький. На Сияющую улицу. Потому что Кофа предложил встретиться именно там.

Сияющая улица находится буквально в двух шагах от Мохнатого Дома. Довольно забавно себя чувствуешь, когда проходишь мимо собственной двери и шагаешь дальше, как совершенно посторонний прохожий, который с лёгкой завистью косится на высокий красивый старинный домик, неуверенно думает: «Наверное, для жизни он всё-таки великоват», – и сам себе не верит. Хотя «великоват» – это ещё мягко сказано.

– Давно мы с тобой вместе не ужинали, – сказал Кофа, появляясь передо мной, на первый взгляд, буквально из ниоткуда, а на второй – из-под неприметной арки, венчающей вход в маленький тёмный двор.

К моему удивлению, выглядел он именно как сэр Кофа Йох. В смысле вообще без намёка на маскировку, даже свою старомодную курительную трубку из драгоценной древесины бонхи, с которой его постоянно рисуют газетчики, демонстративно держал в руках. В Кофином исполнении это всё равно что выйти на улицу с плакатом, на котором гигантскими буквами, чёрным по белому будет написано: «ДА, БЛИН! ЭТО Я!»

Ну надо же.

– Давно – не то слово, – согласился я.

– Просто ты перестал дежурить по ночам, – объяснил он. – Раньше было очень удобно: если вдруг среди ночи захочется провести время в приятной компании, ясно, что ты сейчас всё равно клюёшь носом на службе и открыт к любым предложениям. А теперь поди угадай, когда ты обрадуешься приглашению, а когда просто согласишься из вежливости и будешь потом тайне досадовать, что тебе оторвали от более интересных дел. Я этого не люблю.

– Давайте договоримся, что я никогда не буду соглашаться из вежливости, – предложил я. – Сам терпеть не могу, когда удовольствие превращается в обязательство.

– Не пойдёт, – ухмыльнулся Кофа. – Получать отказы я не люблю даже больше, чем вежливое враньё. Сам понимаю, что глупо, но есть у меня такая слабость. Поэтому ничего не предлагаешь, будем и впредь ужинать вместе реже, чем в старые времена. В тех редких случаях, когда я твёрдо уверен, что ты не знаешь, куда себя деть. Вот сегодня я практически не сомневался.

Я растерянно кивнул, не зная, что тут можно сказать.

– И специально на этот случай у меня припасено отличное местечко. Прямо здесь, в двух шагах от твоего дома, но готов спорить, ты о нём не знаешь. Они совсем недавно открылись, в конце осени. Пошли.

Я свернул вслед за Кофой во двор, который только с улицы казался тёмным, а на самом деле был освещён разноцветными фонариками, совсем маленькими, размером с дикую сливу. Они не столько освещали путь, сколько поднимали настроение. Впрочем, в городе, почти всё население которого прекрасно видит в темноте, поднимать настроение – это и есть основная функция осветительных приборов.

В разноцветных пятнах света я едва разглядел небольшую скромную вывеску, на которой аккуратными округлыми, как у старательной школьницы буквами было написано: «Свет Саллари».

– Саллари – маленький приморский городок в Урдере, – объяснил Кофа. – Впрочем, там все городки маленькие. И почти все приморские. Тебя ждёт знакомство с урдерской кухней, сэр Макс. И только попробуй сказать, что не удивлён.

– Урдер – это где-то на севере Чирухты? – спросил я, призывая на помощь жалкие крупицы знаний, осевшие в дырявой моей башке после чтения восьмитомной «Энциклопедии Мира» хрен знает сколько с хвостиком лет назад. Но крупинки ловко уворачивались, видимо тоже усвоили фокус с превращением в невидимку, над которым я бился весь день.

– На берегу Великого Крайнего моря, – кивнул Кофа. – Можешь не особо краснеть, про Урдер вообще никто ничего толком не знает, даже сэр Манга в своей энциклопедии уделил этой стране всего полторы страницы. Как я понимаю, он тогда рвался поскорее поглядеть на куанкурохские зеркальные города, а может быть, просто устал от путешествий и хотел поско-

рее вернуться домой. Во всяком случае, с его лёгкой руки Урдер стал считаться очень скучным местом. В хорошем смысле скучным, где люди просто живут – долго, спокойно и с удовольствием. Приятно, но не совсем то, ради чего имеет смысл ехать на самый край Мира. Хотя природа там, говорят, хороша. С другой стороны, а где она плоха?... Давай, заходи. Экзамен по географии тебе там устраивать не будут, обещаю. Только кормить. Если повезёт, очень неплохо. Но заранее не угадаешь, повар непредсказуем, как погода на Крайнем побережье.

– Звучит интригующе, – улыбнулся я и толкнул тяжёлую с виду дверь, которая на самом деле оказалась невесомой и податливой.

Трактир был совершенно не похож на то, что в столице Соединённого Королевства принято считать трактиром. При том, что считать трактиром у нас принято практически всё. Чего я только на своём веку ни насмотрелся! Однако помещение за дверью выглядело как самая обычная гостиная жилого дома. Просторная, обставленная громоздкими старинными шкафами, с огромным круглым столом в центре. Вокруг стола стояли новенькие стулья с высокими спинками и мягкими сидениями; по моим прикидкам, здесь преспокойно могли бы разместиться дюжины две человек. Однако пока за столом сидели – не вместе, а порознь – только трое мужчин в остроумных блестящих лоохи и чрезвычайно симпатичная женщина средних лет, круглолицая, темноволосая и черноглазая. Мужчины сосредоточенно ели; двое коротко поздоровались с Кофой, третий даже не поднял на нас глаз.

«Мастер, Ласкающий Пристальным Взором блюда, приготовленные в полдень; иными словами, третий старший помощник второго шеф-повара Королевской кухни, – воспользовавшись Безмолвной речью, сообщил мне Кофа. – Никудышный кулинар, как все Королевские повара, зато страстный гурман и большой любитель экзотической кухни. Проводит здесь почти каждый свой свободный вечер. Второй – его приятель и постоянный спутник в такого рода экспедициях. А третьего я не знаю, но судя по выражению его лица, это просто любопытствующий сосед, заглянувший на огонёк и пока не понимающий, куда попал».

«На самом деле, это вы сейчас меня описали, – откликнулся я. – Ничего не понимающий любопытствующий сосед – в точку!»

Тем временем женщина улыбнулась, привстав нам навстречу, да так сердечно, что мне захотелось её обнять. Хотя это совершенно нехарактерное для меня желание. В смысле мне крайне редко вот так сразу хочется лезть обниматься с незнакомыми леди, как бы мило они ни улыбались.

– Хвала свету зримому за всякого гостя. Как же я рада вас видеть! – сказала она, и тогда я понял, что улыбка адресовалась не столько нам обоим, сколько лично Кофе.

Удивительно, впрочем, не это, а то, что мой спутник не просто приветливо поздоровался в ответ, а натурально засиял. Я, в общем, довольно часто видел сэра Кофу Йоха в прекрасном расположении духа. И ухаживающим за женщинами – тоже не раз. Но до сих пор на моей памяти его радость проявлялась куда более сдержанно.

Надо же, а.

– Вы уже знаете, что, по моему мнению, лучший подарок хозяйке – новый клиент, – сказал женщине Кофа. – Получайте. Это сэр Макс, и он только с виду такой тощий. На самом деле, аппетит у него совсем неплохой.

Вот теперь улыбка досталась персонально мне. И чудесный тёплый взгляд, какой обычно адресуют старому другу, который невесть куда запропастился на много лет, а сейчас наконец объявился, давно бы так! Я даже невольно задумался, не виделись ли мы с этой леди раньше. Но нет. Явно нет.

От этого я почувствовал себя немного самозванцем и смутился. Но виду не подал. Спросил:

– Так это всё-таки трактир? Или мы в гости пришли?

– Все почему-то так спрашивают! – рассмеялась черноглазая леди. – А у нас самый обыкновенный трактир.

– Да, вполне обыкновенный, – подтвердил Кофа. – Только на урдерский манер. В урдерских трактирах все клиенты едят за большим общим столом, как будто они одна семья. И кто-нибудь из хозяев непременно сидит вместе с ними, ведёт беседу, если считает, что гостей надо развлекать, или просто следит, чтобы всем хватило хлеба и вовремя подали напитки. Здесь эту роль обычно выполняет леди Лари Яки Ла.

Женщина кивнула, подтверждая, что именно так её и зовут, прикрыла глаза, но не одной ладонью, как у нас принято, а обеими руками сразу, улыбнулась ещё шире, произнесла звонко и отчётливо, как школьница, вызванная к доске:

– Вижу вас, как наяву!

И тут же повернулась к Кофе:

– Я всё правильно сделала?

– Почти, – ласково сказал он. – Только вы опять забыли, что одной руки совершенно достаточно.

– Да, – вздохнула леди Лари. – Но почему-то трудно заставить себя следовать этому вашему правилу. Одна рука – очень уж несимметрично. И выглядит недостаточно сердечно, как будто мне ради нового знакомого лень вторую руку поднять. А мне не лень!

– И что с ней будешь делать? – подмигнул мне Кофа.

– Соглашаться, – сказал я. – Что ж нам, вторую руку ради прекрасной леди поднять жалко?

Закрыв глаза обеими руками, произнёс приветственную формулу и снова повернулся к Кофе:

– По-моему, так действительно лучше. Великое дело – симметрия. Наши правила хорошего тона давным-давно пора пересмотреть. Кто вообще этим занимается?

– Хороший вопрос, – ухмыльнулся он. – Вроде бы все понемножку – поколения Королевских церемониймейстеров, сочиняющих ритуалы, придворные, способствующие утечке информации из дворца, горожане, которые подхватывают новшества или, напротив, упорно их игнорируют, хоть убей. Но, конечно, главная работа лежит на плечах времени. В итоге всё решает оно. И коррективы вносит, какие само пожелает... Кстати, если уж речь зашла о правилах хорошего тона, почему мы все стоим?

– Потому что я до сих пор не предложила вам сесть, – рассмеялась леди Лари. – Из меня совсем неважная хозяйка трактира. В жизни за это дело не взялась бы, если бы не братец.

У неё была совершенно чудесная ямочка на одной щеке – левой. И трогательная манера, смеясь, прикусывать нижнюю губу.

– Вы прекрасная хозяйка, – галантно возразил Кофа. – Просто пока неопытная. Но это быстро проходит. Скажите мне самое главное: Кадди сегодня готовит?

– Да, – просияла леди Лари. – С полудня на кухне и вроде пока не устал.

Я тем временем, не дожидаясь дополнительного приглашения, уселся на стул. И принялся оглядываться. Отсутствие тарелки перед носом обычно пробуждает во мне интерес к незнакомцам, интерьерам, пейзажам, архитектурным памятникам и прочей окружающей действительности.

Пялиться на едоков мне не позволяла обычная неловкость голодного человека, внезапно оказавшегося на чужом пиру, поэтому я сперва отдал должное узорам на скатерти, потом оценил обивку соседнего стула и наконец возвёл глаза к потолку, чтобы полюбоваться люстрой или, что вероятней, её отсутствием – в Ехо считают, что люстрам место во дворцах, а обычные квартиры следует освещать настенными и напольными светильниками.

Люстры действительно не было, зато я наконец-то увидел, что на потолке сидит девчонка.

Ну как – девчонка. Юная леди, примерно как наша Базилио. Уже не подросток, ещё не молодая женщина. Темноглазая, как леди Лари, с чересчур крупным для её лица носом, по-детски маленьким ртом и упрямым подбородком. Одета она была, как ташерский купец – широкие штаны, просторная куртка, длинные волосы связаны на затылке небрежным узлом, и всё это обильно перемазано краской. Что, в общем, не удивительно: когда рисуешь, сидя, вопреки всем законам природы, на потолке, не обляпаться с ног до головы – высший пилотаж. Я бы точно не смог.

Счастье ещё, что расположилась она не над столом, а в стороне. А то и нам бы досталось.

Рисовала барышня, надо сказать, очень здорово. Большая часть потолка, благодаря её стараниям, уже превратилась в цветущий луг, причём цветы выглядели не плоскими, а трёхмерными, так что зрителю в моём лице казалось, будто они болтаются в воздухе. Удивительный эффект.

– Ничего себе! – присвистнул я.

– Ой, – сказала художница и с любопытством уставилась на меня. – Откуда ты взялся?

– С улицы зашёл.

– Надо же! Я не заметила.

– Я тебя тоже не сразу заметил.

– И удивился, да? А ты умеешь, как я?

– Рисовать? Да ну, что ты!

– Нет, не рисовать, сидеть на потолке. Лари и Кадди не умеют. А Ди говорит, что умеет, но всё равно никогда со мной не сидит. Считает, что это глупости.

– Конечно, глупости, – согласился я. – Совершенно прав твой Ди. Я тоже так думаю.

Встал со стула, подошёл к стене в том месте, где её не загораживали хозяйские шкафы – а то, не ровен час, ещё что-нибудь сломаю или стекло раздавлю – вспомнил нужное заклинание, неторопливо поднялся на потолок, подошёл к художнице и сел чуть поодаль, чтобы не размазать свежую краску. Сказал:

– Хорошая новость: глупости я делаю часто и с удовольствием. Привет.

Здорово всё-таки, что, вернувшись в Ехо, я с остервенением пропустившего учебный год отличника принялся осваивать наиболее эффектные приёмы Очевидной магии. Практической пользы от них гораздо меньше, чем может показаться, но производить впечатление на юных девиц – самое то.

– Ой, так вы взрослый, – смущённо сказала впечатлённая девица. – Извините, что я на ты, просто мне сперва показалось, вы младше меня. Наверное, потому что кверху ногами вас видела.

– Да, это чрезвычайно омолаживающий ракурс, – согласился я. И закрыл глаза обеими руками, специально чтобы доставить удовольствие леди Лари, благожелательно взиравшей на нас снизу. – Вижу тебя как наяву.

– Моё имя Арра Иш Ваду, – объявила девица.

– Очень красиво звучит. А я просто Макс. Совсем короткое имя, всего один слог. Раз – и всё уже сказано. Зато меня, если что, можно очень быстро позвать.

Арра Иш Ваду хихикнула.

– На самом деле, меня тоже можно быстро, – призналась она. – Дома обычно так и зовут: Иш.

– Учти, сэр Макс, ужин на потолок тебе не подадут, – сказал Кофа. – В урдерских трактирах принято есть, сидя за столом, и точка.

– Ничего, если я вернусь вниз? – вежливо спросил я художницу. – Жрать очень хочется, а они, сама видишь, какие вредные.

– Не очень-то вредные, – вступилась за старших Иш. – Просто есть на потолке действительно неудобно, особенно суп, а у нас он сегодня главное блюдо. Поэтому обязательно идите за стол. А я потом к вам спущусь, когда дорисую, ладно?

– Не вопрос, – согласился я. – Работай спокойно. У тебя здорово получается.

А спустившись и заняв своё место, шёпотом, чтобы не смущать художницу, сказал леди Лари:

– Слушайте, не то чтобы я великий знаток, но, по-моему, она потрясающе рисует.

– Невежливо хвалить свою родню, но наш племянник и правда молодец, – подхватила леди Лари. – Хотя никогда специально этому не учился, просто рисует с раннего детства...

– Племянник? – растерянно переспросил я.

Что за чёрт. Не мог же я перепутать. И потом, он... она сама говорила: «не заметила», «видела». Как это понимать?!

– Ой, нет, конечно, – спохватилась леди Лари. – Сегодня – племянница. Я не хотела сбивать вас с толку, просто сама уже внимания не обращаю, а люди, конечно, поначалу удивляются...

– Эээ... – протянул я.

Сам не знаю, какой фразой собирались стать эти звуки; в любом случае у них ничего не вышло, и я озадаченно умолк.

Сэр Кофа пришёл мне на помощь.

– Иногда Иш просыпается девчонкой, а иногда мальчишкой, – объяснил он. – От её – его – желания это, как мне объяснили, не зависит. Преображение происходит во сне, но не каждую ночь и не по определённому расписанию, а совершенно непредсказуемо. Так бывает. Довольно редко и, кажется, только среди жителей побережья Крайнего моря. Я и сам впервые вижу такое собственными глазами, раньше даже не особо в это верил, потому что сэр Манга в своей Энциклопедии ни слова о подобных превращениях не написал, а свидетельства остальных путешественников, по моему опыту, следует делить примерно на триста...

– Надо же, какая непростая у человека жизнь, – вздохнул я.

– Что ж тут непростого? – удивлённо спросила с потолка Иш. – Мне даже ничего делать не надо, всё само собой происходит. Так интересно!

– То есть, тебе нравится? – удивился я.

– Конечно, – подтвердила она. – А как может не нравиться возможность то и дело превращаться в кого-нибудь другого?

– У меня дома живёт чудовище, которое превратилось в девушку, – сказал я ей. – И ещё девушка, которая постоянно превращается в разных чудовищ. Обе очень этим довольны. Но они превращаются по собственному желанию, а ты, как я понимаю, ничего не решаешь?

– Так это же здорово – не решать! – воскликнула Иш. – Только проснулась, и уже сюр-приз!

Нннуу... да. Можно и так смотреть на вещи.

– А с ними можно познакомиться? – спросила она. – С вашими девушками-чудовищами? Я бы хотела! Дома у меня было полно друзей, а здесь пока никого. Мы совсем недавно приехали.

Вот, кстати, да. Отличная идея. Не знаю, что скажет на это Меламори, у неё и на меня-то время далеко не всегда находится, а вот Базилио определённо не повредит нормальная человеческая подружка. Ну или друг, это уж точно без разницы. Несколько чокнутых колдунов, заместитель начальника городской полиции, говорящая собака, четвёрка малахольных поваров и регулярно посещающий наш дом инкогнито Король – прекрасная компания для юной леди, кто бы спорил. Но мне всё-таки кажется, что для нормальной счастливой и беззаботной юности человеку необходимо общество ровесников. В некоторых вопросах у меня до смешного консервативные взгляды.

– Подумаю, как это устроить, – пообещал я.

Хотя чего тут думать? Мы даже живём по соседству. Можно было бы прямо сейчас...

Но в этот момент наконец случилось долгожданное событие: к нам пришла еда.

То есть сперва явился повар. Дверь, ведущая в кухню, открылась, и оттуда вышел человек, одетый в длинный кожаный сарафан – своеобразный гибрид скабы и передника, какие в последнее время стали чрезвычайно популярны среди столичных шеф-поваров. Высокий, смуглый, зеленоглазый и такой красивый, что я даже растерялся – зачем мне такое показывают? Как это вообще возможно? Кто допустил? Откуда внезапно взялась столь ослепительная красота, да ещё так невовремя, когда мы сидим, никого не обижаем и хотим просто спокойно пожрать?

Впрочем, вообще-то уже, наверное, не хотим. Какая может быть еда после такого зрелища.

На фоне этого удивительного тонкого лица, обрамлённого копной кудрявых тёмных волос, кое-как собранных в узел на макушке, даже арварохцы, которые справедливо считаются самыми красивыми людьми в Мире, показались бы просто обычными симпатичными ребятами. Как на его фоне выглядит всё остальное человечество, включая меня, даже думать не хочу. Ну их к Тёмным Магистрам, такие мрачные мысли.

Тем не менее, неописуемо красивый человек пришёл вовсе не с целью явить нам наше ничтожество. И даже не для того, чтобы завоевать Мир одной своей улыбкой. Он принёс нам миски. Просто пустые миски, чёрт их дер.

Поставив миски на стол, красавец с достоинством удалился, а несколько секунд спустя снова вернулся с огромным керамическим горшком, над которым поднимался пар. Водрузил его перед нами, приветливо улыбнулся и сказал неожиданно резким хриплым голосом:

– Ешьте с радостью.

Развернулся и ушёл обратно. И дверь за собой закрыл.

– Это был наш повар, Кадди Кайна Кур, – сообщила мне леди Лари.

– Невероятно красивый человек, – сказал я. Почему-то шёпотом.

Кофа только отмахнулся – дескать, какая ерунда. А леди Лари с энтузиазмом закивала:

– Кадди редкостный красавчик, это да. Мог бы жениться на главной куанкурохской Ночной Стражнице и жить припеваючи, она ему от всего сердца предлагала. Но Кадди не захотел. Ему нравится быть холостяком, жить в разных странах и заниматься, чем в голову взбредёт. Лет пять назад он увлёкся кулинарией и быстро стал хорошим поваром. Это же из-за Кадди мой брат открыл трактир в Ехо. Вернее, для него.

– Вот оно как.

– Ну да! Они старые друзья, всегда друг за друга горой. И тут вдруг Кадди стало интересно научиться готовить с вашей магией. Предложил: «Поехали со мной в Сердце Мира, вместе веселей». А мы с Ди только рады были. И то сказать – в детстве мечтали, как вырастем и станем путешественниками, а на деле никуда дальше Куанкуроха в жизни не уезжали. Зачем тогда вообще было взрослеть? А когда приехали и осмотрелись, решили снять дом побольше и на первом этаже открыть трактир, чтобы у Кадди была хорошо оборудованная кухня. Может, ещё и заработаем немного, если дело пойдёт.

– Вот и молодцы, – веско сказал Кофа. – Пожить какое-то время в Ехо само по себе интересный опыт. Родись я сам в другой стране, непременно переехал бы сюда как минимум на пару дюжин лет, просто из любопытства. И с трактиром у вас, думаю, дело пойдёт. Насколько я знаю нашу публику, «Свет Саллари» имеет все шансы стать популярным заведением. Ещё и записываться заранее на ужин будут, чтобы без мест не остаться, попомните мои слова. У нас ценят хорошую кухню, а у Кадди уже сейчас неплохо получается. Бери ложку, сэр Макс. Потому что я тебя ждать не стану. Дружба дружбой, а суп с не-мюаги каждый ест за себя.

– Как-как, говорите, называется этот суп? – спросил я после того, как распробовал.

Готовил этот красавчик примерно так же, как выглядел. То есть божественно. Сногсшибательно. Даже немного слишком, на мой вкус. Я впечатлительный, мне трудно пережить столько совершенства сразу.

Кофа увлечённо ел, поэтому отвечать пришлось леди Лари.

– Сливочный суп с не-муяги.

– С... чем?

– С не-муяги. Поскольку рыбу муяги, обитающую в Великом Крайнем Море, в ваших краях ни за какие деньги не достать, в ход идёт любая другая, лишь бы свежая. Супу это, по-моему, только на пользу, но сохранить первоначальное название «сливочный суп с муяги» означало бы пойти на обман. А мы не так воспитаны.

– Муяги, значит, – повторил я. – И, соответственно, не-муяги. Ладно. Надо запомнить на всю жизнь и требовать при всяком удобном случае.

– При всяком удобном случае – это пока только у нас, – улыбнулась леди Лари. – И только в те дни, когда у Кадди есть настроение готовить. Когда нет, его на кухне заменяем мы с Иш, а это, положая руку на сердце, совсем не то.

– Ну, положим, давешний тёплый ореховый салат с дичью был вполне ничего, – снисходительно заметил Кофа.

Тоже мне комплимент. Куда только подевалась его галантность? Пришлось объяснять:

– Когда сэр Кофа говорит «вполне ничего», это...

– Практически высочайшая похвала, – подхватила хозяйка. – Это я уже, хвала свету зримому, усвоила.

Третий или какой он там по счёту старший помощник Королевского шеф-повара и его приятель тем временем покончили с едой. Один из них достал из кармана специальные перчатки, предназначенные для манипуляций с деньгами, аккуратно извлёк из кошелька несколько мелких монет, положил их на стол, второй громко и многословно поблагодарил хозяев за ужин, а всех присутствующих – за компанию, и они ушли.

– В прошлый раз эти господа спросили меня, как принято вежливо покидать трактир в Урдере. Я объяснила, и смотрите-ка, всё запомнили, – сказала леди Лари. – Вроде бы, пустяк, а мне почему-то так приятно!

Она улыбнулась, снова продемонстрировав нам чудесную ямочку на левой щеке, и спросила Кофу:

– Никак не могу взять в толк, почему некоторые люди надевают перчатки прежде, чем расплатиться, а другие нет?

Ради неё Кофа даже от супа оторвался – поступок для него, прямо скажем, не самый характерный.

– Потому что это старинная угуландская примета – якобы прикосновение к деньгам убивает в человеке способность любить. Примета общеизвестная, но верят в неё далеко не все. И ведут себя сообразно своим убеждениям.

– А вы верите?

– Да нет, конечно, – отмахнулся Кофа. – Полная ерунда, а не примета. Впрочем, я, пожалуй, догадываюсь, откуда она взялась.

– Правда? – удивился я. – Здорово! Лично у меня никаких идей.

– Ну естественно. Для этого ты недостаточно хорошо знаешь историю. Штука в том, что долгое время самыми богатыми людьми в Соединённом Королевстве были прямые потомки кейифайев⁷, пришедших сюда с Уандука за компанию с Ульвиаром Безликим. А у этих ребят

⁷ Кейифайи, или, как называют их люди, эльфы (термин не должен обманывать читателя, с эльфами, описанными в нашей мировой литературе, кейифайи имеют довольно мало сходства) изначально населяли материк Уандук, где до сих пор живут их потомки, по большей части, от смешанных браков, хотя чистокровные кейифайские семьи тоже до сих пор встречаются. Обо всех расах, населяющих Мир, очень подробно рассказывается в повести «Наследство для Лонли-Локли».

известно какой темперамент: им всё на свете интересно, и любовь – просто одна из великого множества занимающих их вещей. Причём далеко не самая важная. К тому же им решительно всё равно, кого тащить в постель: с кем попало готовы что угодно попробовать, а потом, не потрудившись договориться о новой встрече, бежать дальше – в жизни ещё столько увлекательных дел! С точки зрения местных уроженцев, страстных, простодушных и очень привязчивых крэйев⁸, потомки кейифайев и правда выглядели людьми, не способными на сильное чувство – все подряд, не только богачи. Но богачи всегда в центре внимания. Вот и провели связь там, где её нет.

– Похоже на то, – согласился я. – Здорово вы объяснили. А то я не знал, что и думать. С одной стороны, лично на меня деньги вроде бы никак не действуют, но я всё-таки... эээ... не совсем местный. А с другой, в таком деле никогда нельзя быть уверенным. А вдруг всё-таки действуют? И я сам не замечаю, как превращаюсь...

– Да тебе и превращаться не надо. Всё и так хуже некуда, – ухмыльнулся Кофа. – С точки зрения нормального чистокровного драхха⁹, ты – на редкость бездушное существо. Как и все мы, способные хотя бы изредка думать о чём-то, кроме своих сердечных страстей. И, к примеру, по доброй воле проводить свободное время с людьми, которых не планируем ни тащить в постель, ни даже убивать за то, что они этого не хотят. Ты, насколько мне известно, грешишь этим непрестанно.

– Вот настолько всё сурово?! – изумился я. – Правда?

– Теоретически я, конечно, мог наспех это выдумать, чтобы отвлечь тебя от супа, – ухмыльнулся Кофа. – Но у меня алиби: всё это время я тоже его не ел. Терпеть не могу говорить с набитым ртом.

– Наверное, очень трудно жить на свете таким страстным людям, – покачала головой леди Лари.

– Да не то чтобы, – беззаботно отозвался Кофа. – Вы сейчас говорите в точности как Макс, когда он решил, будто Иш должно быть тяжело жить, не зная, кем она завтра проснётся – девочкой или мальчиком. Большинству из нас непросто принять тот факт, что другие могут быть устроены не так, как мы сами. И сильные люди, вроде вас с Максом, сочувствуют тем, кто на них не похож, а слабые хотят, чтобы непохожих не было вовсе; впрочем, это уже крайность, граничащая с безумием. А на самом деле быть каким-то другим – просто нормально. Как нам собой... Впрочем, что касается чистокровных драххов и прочих крэйев, их в столице Соединённого Королевства уже практически не осталось. Как, собственно, и чистокровных кейифайев или людей. Все мы тут потомки смешанных браков и просто случайных связей. Даже в моём роду переселенцев из Чирухты, чьи предрассудки предписывали жениться только на своих, затесались какие-то крэйи, причём, кажется, фаффы, если мать ничего не перепутала, когда составляла свою родословную. Но кстати, это бы отчасти объяснило, почему мне так легко даётся именно искусство перевоплощения... Что тут скажешь, спасибо нашим далёким предкам, что были столь неразборчивы в связях. Неплохо в итоге получилось.

В этот момент дверь кухни снова открылась, и оттуда вышла здоровенная птица ярко-синего цвета. До сих пор я видел такую только однажды, в графстве Хотта, и теперь глазам своим не поверил – откуда бы здесь взяться птице сыйсу? В наших краях они не водятся. Бли-

⁸ *Крэйи* – исконные обитатели материка Хонхона. Среди них есть оборотни, гномы, великаны, невидимые люди, амфибии, живые камни и другие удивительные существа.

⁹ *Драххи* – разновидность крэйев. На первый взгляд, они ничем не отличаются от обычных людей, но обладают множеством особенностей. Как и все крэйи, драххи понимают язык зверей, птиц, рыб, деревьев, камней и грибов. Собственная традиционная магия драххов основана на их тесной связи с природой Хонхоны, поэтому из них обычно получают отличные знахари, травники и лесные колдуны. При этом Очевидной магии чистокровные драххи практически не обучаются, а их потомки от браков с людьми – гораздо медленнее, чем прочие.

жайшую, по слухам, видели в Магахонском лесу, да и то не факт, знаю я тамошнего лесничего, с него станется индюшек с чужой фермы стащить и перекрасить, чтобы соседи не догадались¹⁰.

Сэр Кофа, похоже, тоже удивился.

– Это что ещё такое? – спросил он с хорошо знакомой мне сдержанной, а на самом деле сердитой интонацией, которая появляется в Кофином голосе всякий раз, когда жизнь перестаёт соответствовать его представлениям о нормальном ходе вещей.

– Птица, – сказала леди Лари. – Очень красивая, правда? Мы назвали её Скрюух, в честь её первого крика в нашем доме, но она пока на это имя не откликается.

– Но откуда она взялась? – продолжал допытываться Кофа. – Я же вчера у вас ужинал и никаких птиц не видел. Или она просто мне не показывалась?

– Вчера отсиживалась на кухне. А прежде её и не было. Ди третьего дня откуда-то при-ташил. Говорит, охотники случайно подстрелили, сами огорчились, потому что этих птиц не едят, а просто так убивать жалко. Принёс еле живую, но Кадди стал кормить её мясом и ничего, быстро пошла на поправку. Ходит теперь всюду за ним, только крыло видите, как оттопырено? Плохо дело, с таким не полетаешь. Надо бы какого-нибудь знахаря поискать. Как раз соби-ралась спросить: у вас тут лечат птиц?

– А вот даже не знаю, – сказал Кофа.

Я, кажется, впервые в жизни услышал, что Кофа чего-то не знает про Ехо. И был совершенно потрясён этим открытием.

– Но примерно представляю, кого расспросить, – тут же добавил он. – Зверей-то несколько городских знахарей точно лечат. Может быть, и за птиц кто-нибудь из них берётся. Я наведу справки.

Синяя птица, тем временем, прошествовала прямо ко мне, остановилась рядом, внима-тельно посмотрела сердитым оранжевым глазом, словно бы прикидывая, заклевать меня прямо сейчас, или прибегать на будущее.

– Вы там осторожно, Скрюух злющая! – крикнула с потолка Иш.

Я-то думал, она так увлеклась работой, что уже забыла о нашем существовании.

Птица тем временем нерешительно топталась, разглядывая мои ноги. Наконец положила мне на колени голову с крупным орлиным клювом и издала совершенно ужасающий скреже-щущий звук, действительно немного похожий на «скрюух» – если бы это слово попытался про-изнести обладатель железного языка, заржавевшего от долгого бездействия.

Я осторожно погладил синие перья, птица скрежетнула ещё раз и умиротворенно при-крыла глаза. Всякий, кто имел дело с кошками, расшифровал бы её поведение как: «А ну давай чеши дальше». Судя по довольным поскрипываниям моей новой подружки, я угадал.

– Да уж, сердитая – спасу нет, – ухмыльнулся я.

– Ух, надо же, как Скрюух тебя сразу полюбила! – воскликнула Иш.

От волнения она снова перешла на ты. Это было так же приятно, как доверчивость синей птицы.

– Меня вообще звери обычно любят, – сказал я. – Не знаю почему.

– Потому что газет не читают, – предположил Кофа.

Это он зря. Потому что о газетах я могу говорить бесконечно, постепенно закипая и переходя на нецензурную брань.

Дело, конечно, не в том, что многочисленные идиотские статьи возбуждённых моим вне-запным возвращением в Ехо журналистов действительно так уж испортили мне жизнь. Честно говоря, они на неё вообще никак не повлияли. Просто для ощущения полноты бытия мне необ-ходимо быть хоть чем-нибудь недовольным. А найти повод для недовольства в моей нынешней

¹⁰ Сэр Цвахта Чиям, Магахонский лесничий, о знакомстве с которым рассказано в повести «Магахонские лисы», в корне не согласен с этим предположением и чрезвычайно им возмущён.

жизни – та ещё задача. Первое время я натурально места себе не находил. Но потом появились глупые статьи, и мне сразу полегчало. Поэтому сердиться на журналистов я буду ещё, как минимум, сотню лет. С превеликим удовольствием. Где я ещё такое прекрасное горе найду.

Плохо тут то, что, стоит при мне упомянуть газеты, я тут же начинаю ругать их так многословно и пространно, что кого угодно могу задолбать. И испортить хороший вечер, вроде текущего – запросто. Но, к счастью, на этот раз меня отвлекли.

Красивый повар Кадди Кайна Кур снова вышел из кухни. На этот раз с пустыми руками.

Синяя птица тут же вероломно покинула меня и устремилась к своему кормильцу. Ухватила его клювом за край лоохи – дескать, всё, теперь не отпущу, останешься со мной навек. Кадди расплылся в улыбке и уставился на свою питомицу влюблёнными глазами. Ну надо же. Говорят, будто птицы сыйсу не приручаются; возможно, так оно и есть, зато, похоже, они отлично умеют приручать людей.

Повар погладил птицу по встрёпанной голове. Сказал:

– Что-то я устал, Ларичка. Супа ещё примерно четыре порции осталось, два больших слоёных морских пирога и ягодный танг в почти неограниченных количествах. Не буду сегодня больше готовить, ладно?

– Как скажешь, Каддичек, – улыбнулась ему хозяйка. – Посидишь с нами?

– А это допускается местными правилами? – спросил он. – Здесь принято, чтобы повара отдыхали в том же помещении, где едят клиенты?

– Нет, не принято, – ответил ему Кофа. – Но и дурным тоном тоже не считается. Просто никому в голову не приходит так поступать. Обычно у поваров есть свои комнаты отдыха, где им никто не мешает. Но именно поэтому я бы посоветовал вам делать по-своему. Будет неплохо, если ваш отдых в обеденном зале станет традицией. Глазеть на заморские обычаи у нас любят чуть ли не больше, чем пробовать чужую еду.

– Тогда хорошо, – кивнул повар. – Я-то как раз среди людей отдыхаю лучше, чем в одиночестве. Когда остаюсь один, сразу начинаю что-нибудь обдумывать. А как придумаю, тут же берусь это делать. Добро ещё, если это просто рецепт нового блюда. А если, к примеру, ремонт крыши? Или сравнение философских считалок Бахлаты Мучоя с творчеством современных ему авторов надгробных баллад? Вот вы смеётесь, а я однажды трое суток писал совершенно никому не нужную статью, не обладая при этом ни должным багажом знаний, ни даже специальным научным языком. Однако это меня не остановило. Так увлёкся, что даже поесть не отлучался!

– Любому другому я сейчас сказал бы, что это недопустимое пренебрежение своим здоровьем, – заметил Кофа. – Но в вашем случае гораздо более драматичным мне представляется то обстоятельство, что всё это время вы ничего не готовили. Страшно вообразить, сколько народу вы лишили удовольствия.

– Спасибо. Нет ничего приятней, чем подобный упрёк. Но справедливости ради следует признаться, что в ту пору я ещё не умел готовить еду. Тогда от моего внезапного вдохновения пострадала только посудная лавка, которую я, конечно, забыл вовремя открыть; впрочем, к тому времени торговля мне изрядно надоела, так что всё к лучшему.

– Главное, чтобы готовка вам подольше не надоедала, – строго сказал Кофа.

– Так я специально для этого сюда приехал. В наших краях, сами знаете, готовка – простая работа. А у вас над едой принято колдовать. Ваша магия – сложная штука, быстро не научишься. А пока не всё получается, мне обычно интересно. Поэтому, думаю, я ещё долго буду готовить.

– А можно попросить добавки? – спросил я. – Вы сказали, там ещё суп остался. И пироги морские, и ягодный танг.

Потому что Кофа хоть и разглагольствовал вроде бы, не закрывая рта, а досталась мне всё равно хорошо если четверть принесённого нам на двоих горшка, так что я по-прежнему

ощущал в себе воинственную готовность съесть, как минимум, бегемота – при условии, что его приготовит Кадди Кайна Кур, величайший кулинар всея Чирухты и нашего квартала.

– Сейчас! – спохватилась леди Лари. И остановила привставшего было повара: – Сиди, дружок, я сама подам.

– Спасибо, Ларичка, – улыбнулся он.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы, которые я, мягко говоря, недолюбливаю, звучали в исполнении этих взрослых людей трогательно и даже как-то удивительно уместно. Такая уж умиротворяющая тут была атмосфера. Главное, конечно, не расслабиться в такой обстановке до полной потери рассудочка и сэра Кофу «Кофочкой» случайно не назвать. Говорят, традиция кровной мести в наших краях окончательно угасла вместе с прочими интересными и поучительными обычаями Эпохи Орден, но это ничего, Кофа её одной левой возродит.

Впрочем, после того, как я попробовал ещё горячий слоёный пирог, который по какой-то загадочной причине назывался «морским», хотя ни рыбы, ни водорослей с моллюсками в его начинке не было, опасность миновала. В смысле я вообще никого никакими словами не называл, умолк окончательно и бесповоротно, потому что оторваться от этого пирога даже на несколько секунд было выше моих сил. Совершенно невыносимо.

– Тихой ночи, мои дорогие. Летел к вам, как птенец йорли на свет.

Я вздрогнул от неожиданности. Хотя довольно глупо сидеть в трактире и совершенно не ожидать, что сюда ещё кто-нибудь когда-нибудь войдёт. По идее, трактир – это как раз такое специальное место, где дверь вообще не закрывается. То и дело кто-то входит и выходит. Но домашняя атмосфера «Света Саллари» сбивала меня с толку. Ну и морской пирог сделал своё дело, лишил остатков разума. Но теперь надо было возвращаться к действительности. Для начала, например, посмотреть, кто к нам пришёл. И, если получится, выяснить, кто такие «йорли» и на кой чёрт их птенцы летят на свет, как какие-нибудь неразумные бабочки. В «Энциклопедии Мира» сэра Манги Мелифаро об этом, вроде, не было ни слова. Впрочем, я всё-таки очень давно её читал, мог забыть.

Человек, вошедший в трактир, представлял собой выдающееся зрелище. Один только костюм чего стоил – длинная широкая стёганая юбка до пят и короткая, чуть ниже пояса, малиновая куртка с просторным капюшоном, под которым помещалась какая-то сложная причёска, смахивающая на фортификационное сооружение.

К счастью, незнакомец был не настолько красив, как здешний повар, второго эстетического потрясения кряду я бы, пожалуй, не пережил. Но красота ему и не требовалась. Щедрая природа выписала этому человеку столько обаяния, что хватило бы населению пары-тройки небольших городов, вроде Богни¹¹ или Авалы¹². А настоящим козырным тузом оказалась его улыбка, исполненная нежности, граничащей с растерянностью: неужели всё вокруг и правда настолько прекрасное и хрупкое, и я это хрупкое так сильно люблю?

Мне хорошо знакома эта разновидность счастливой обречённости, иначе я вряд ли её опознал бы. А опознав, невольно проникся к незнакомцу почти иррациональной симпатией, неизбежной при встрече с кем-то очень похожим на тебя самого.

Когда он улыбнулся, я сразу понял, что это и есть брат леди Лари: у него была точно такая же ямочка, одна, на левой щеке. И такое же круглое смуглое лицо, и чёрные глазки. И фамильный упрямый подбородок, доставшийся по наследству художнице Иш, которая чуть с потолка не свалилась на радостях.

– Ди! Ура! – восторженно завопила она, а потом всё-таки спустилась с небес на землю, одним грациозным прыжком.

¹¹ Городок в Гугланде, на берегу Гугландского залива.

¹² Городок на границе Угуланда и Графства Шимаро.

Вошедший был не слишком велик ростом, а Иш, напротив, оказалась довольно долговязой барышней, но это совершенно не мешало ей совершенно по-детски повиснуть у него на шее, а ему – подхватить племянницу и закружить, как совсем маленького ребёнка.

– А у нас! – выкрикивала счастливая Иш. – Самые лучшие в Мире! Гости! Им очень нравится Каддина еда! А Скрыух! Дала Максу себя погладить! Вот так!

– Какие замечательные новости, – ласково сказал черноглазый человек, перестав кружиться. – Но главную ты сказать забыла, а я и сам вижу: разрисован ещё здоровенный кусок потолка. Когда только успела?

– Это ещё не настоящая новость, – возразила Иш. – Настоящая будет, когда я закончу всё. Спрыгнула с его шеи, торжествуя, оглядела нас и сообщила:

– Мой дядя Ди пришёл!

Ну, не то чтобы мы не заметили.

– Дигоран Ари Турбон, – представился вошедший. – Простите, если помешал вашей трапезе. У нас в семье принято радоваться друг другу при встрече и не скрывать своих чувств, но не удивлюсь, если в ваших краях этот обычай считается варварским.

– Не считается, – успокоил его Кофа. – Что же тут варварского, если люди радуются друг другу?

– День прошёл хорошо, – сказала леди Лари, обнимая брата.

– А у тебя, дружище? – спросил повар Кадди. – Всё вышло, как ты хотел?

Смуглое лицо Дигорана Ари Турбона вдруг стало лиловым. Я сперва глазам своим не поверил, моргнул, отвернулся и снова уставился на него. Лицо по-прежнему было лиловым, как лепесток фиалки. Что за чёрт?

– А, ясно. Не совсем, – печально констатировал Кадди. – Прости. Не надо было лезть к тебе с расспросами.

Леди Лари ободряюще улыбнулась брату:

– Плюнь с высокой скалы. Сегодня не заладилось, а завтра, глядишь, ветер переменится.

Мы с Кофой озадаченно переглянулись. Похоже, изменение цвета лица нашего нового знакомого совсем не удивило его родных. И более того, сообщило им какую-то информацию о состоянии его дел.

– Понимаю ваше удивление, – сказала нам леди Лари. – И высоко ценю вашу деликатность, обычно люди сразу же кидаются выпрашивать, что, да как, мы уже привыкли. Иногда цвет лица Ди меняется в соответствии с его настроением. Такого уж проклятие нашего рода; передаётся оно только по мужской линии, поэтому со мной, хвала свету зримому, ничего подобного не происходит. И с Иш, вроде, тоже всё в порядке, даже когда он мальчишка. А вот Ди лишён возможности скрывать от нас свои подлинные чувства.

– Примите мои искренние соболезнования, – серьёзно сказал Кофа. – Могу вообразить, как это неудобно!

У него даже голос дрогнул. Видимо, он невольно примерил ситуацию на себя и ужаснулся.

– Спасибо, – поблагодарил его Дигоран Ари Турбон, усаживаясь рядом со мной. Он уже снова улыбался, а лицо его постепенно приобретало прежний вид. – На самом деле, это скорее забавное недоразумение, чем настоящее несчастье. Штука в том, что наш с Лари далёкий предок, пра-пра-пра-пра и ещё раз, если не ошибаюсь пра-прадед Шери Авада Лос был исключительным лжецом. Врал всем подряд, причём обычно без особой выгоды для себя, просто ради удовольствия не произносить лишний раз правду.

– Да, бывают такие люди, – подтвердил Кофа. – Сам не раз встречал.

– И всё бы ничего, но однажды нашего предка угораздило наврать с три короба очень могущественному колдуну по имени Туффалей Фаюм Хаг, а тот так рассердился, что проклял не только самого Шери Аваду, но и всех его потомков. К счастью, сила проклятия с каждым поколением постепенно ослабевает. У меня, как и у отца, цвет лица изменяется только под

влиянием очень сильных чувств, а вот на прадедушку Хойри Аки Вера, которого я застал в живых, порой смотреть было больно, так краски мелькали.

– А смысл? – спросил я. – В чём смысл такого проклятия? Просто сделать вас... эээ... – Я чуть не сказал «посмешищем», но, к счастью, вовремя опомнился: – ...очень заметными?

– Заметными? Ну да, пожалуй. Но как я понимаю, подлинный замысел чародея состоял в том, чтобы не оставить нашему семейству ни единой возможности солгать. Хотя на самом деле именно это у него не получилось. Мы можем продолжать врать, сколько душе угодно, потому что окружающие не знают, какой именно цвет какому настроению соответствует. Нет у них такого списка. А если спросят, я могу дать любое объяснение, поди меня проверь. Штука в том, что желание солгать – не настолько сильное чувство, чтобы изменить цвет моего лица. Строго говоря, обычно это вообще не чувство, а просто прагматическое соображение. В детстве, конечно, было не так, и родители часто ловили меня на вранье, увидев, как пламенеют мои щёки – причём не от самого желания обмануть, а от страха, что меня выведут на чистую воду. Красный цвет, по замыслу Туффалея Фаюм Хага, означает испуг. Но с возрастом обычно обретаешь независимость от окружающих, перестаёшь их бояться, и тогда поди тебя раскуси.

– Думаю, этот колдун позаботился только о собственных интересах, – заметил я. – Ему было важно, чтобы обмануть не могли именно его, а остальные пусть сами выкручиваются, как знают.

– Да, похоже на правду. С другой стороны, когда с детства все твои чувства вот так явственно отражаются на лице, поневоле вырастаешь предельно откровенным человеком – а что ещё остаётся? По крайней мере, так случилось и с дедом, и с отцом, и со мной. Поэтому я не делаю тайны из цвета своего лица. В частности, лиловый, как вы и сами Наверное поняли, означает досаду. На самом деле ничего по-настоящему плохого со мной сегодня не случилось, просто я не люблю, когда нарушаются мои планы. А признаваться в этом и вовсе ненавижу.

– О да, это я могу понять, – кивнул Кофа.

И я кивнул. Потому что тоже могу. Как, прямо скажем, очень мало кто.

При этом меня так и подмывало пуститься в расспросы: «А какие планы? Что именно у вас не вышло? Чем вы вообще тут занимаетесь, пока ваши домашние хлопочут в трактире?» Но я прикусил язык. Искренность собеседника, конечно, великий соблазн, но лезть в чужие дела всё-таки невежливо.

Поэтому я задал другой вопрос:

– А какие ещё бывают цвета? Если уж вы сами сказали, что не делаете из этого тайны, расскажите, пожалуйста.

– Ну, например, синий цвет означает, что я чрезвычайно удивлён, жёлтый обычно сопутствует смеху, оранжевый – восхищению. А самый замечательный – зелёный. Это цвет безмятежной радости. В детстве моё лицо зеленело так часто, что многие соседи думали, это и есть его обычный цвет; с годами он появляется всё реже – такова, надо полагать, цена взросления. Но иногда всё-таки...

– А белый? – нетерпеливо спросил я. – Бывает у вас белый цвет?

Причём сперва спросил, а потом уже сообразил, почему меня интересует именно белый. Вспомнил наконец давешнюю историю о человеке с ножом и белым лицом, вломившемся в палатку Правдивого Пророка, а потом исчезнувшем неизвестно куда. И, кстати, одет он был похоже – малиновая куртка в устах бестолкового нумбанского полицейского вполне могла превратиться в красную, а пёстрая стёганая юбка – напомнить ему деревенское одеяло. Всё сходится! Ясно теперь, почему меня так насторожила внезапная смена цвета лица нового знакомого. У меня настолько дырявая память, что организму пришлось отрастить недюжинную интуицию, при помощи которой удаётся кое-как латать эти прорехи, вот как сейчас – сперва беспокоиться неведомо о чём, а уже потом запоздало понимать, откуда растут ноги у этого беспокойства.

Дигоран Ари Турбон надолго задумался – не то прикидывал, стоит ли оставаться откровенным, то ли просто вспоминал. Наконец сказал:

– Честно говоря, даже не знаю, бывает ли такое со мной. Согласно семейному преданию, белый цвет соответствует подлинному мужеству. То есть безупречной готовности принять свою судьбу, какой бы она ни была. До столь совершенной мудрости мне пока, к сожалению, далеко.

– Не наговаривай на себя, – сказал ему повар Кадди. – Как по мне, именно таков ты и есть. Я бы не удивился, если бы ты вообще всё время был белолицым. Просто наверное это у тебя не внезапное сильное чувство, а привычное состояние души.

– Ну, не знаю, – нахмурился Дигоран Ари Турбон. – Твоими бы устами... – и тут же повеселев, обернулся ко мне: – Зато доподлинно известно, что чёрным моё лицо становится, когда я влюблён. В юности я был влюбчив, как все нормальные мальчишки, за что и получил прозвище «Чумазый Ди». А прекрасные девицы, ясное дело, разбегались от меня, кто визжа от страха, кто хохоча. Вот когда проклятие Туффалея Фаюм Хага действительно здорово портило мне жизнь! И кстати не факт, что такое больше никогда не повторится. Что-что, а уж эта опасность остаётся с нами до последнего вздоха.

– Ваша правда, – авторитетно подтвердил Кофа.

Хотя откуда бы ему знать. До последнего вздоха сэру Кофе Йоху, как и прочим могущественным колдунам, по моим прикидкам оставалось ещё, как минимум, несколько тысячелетий.

Впрочем, он так выразительно смотрел на леди Лари, что мне явно не следовало встречать со своими комментариями.

Леди Лари явно смутилась и поспешила сменить тему.

– Ягодный танг, – объявила она. Голос её звучал решительно, я бы даже сказал, неумолимо. – Мы с вами совершенно забыли о ягодном танге! Неужели вы думаете, что я позволю ему остаться несъеденным?

Мы, разумеется, так не думали. Тем более, что странное на вид густое желеобразное бело-лиловое месиво оказалось одним из самых вкусных десертов, какие я когда-нибудь ел. А я хоть и не записной гурман вроде сэра Кофы, но верный его последователь, практически юный оруженосец. Иногда.

В общем, ягодный танг уписывали все присутствующие, включая синюю птицу Скрыух, хотя она, по идее, хищная и ягоды жрать не должна. Но плевать она хотела на такие идеи.

Клиент, всё это время тихо сидевший над давно опустевшей тарелкой на дальнем краю стола, тоже получил порцию ягодного танга – угощение за счёт заведения, объявила леди Лари – и он, встрепenuвшись, смёл его как миленький. А доев, наконец поднялся. Положил на скатерть монету и смущённо сказал:

– Спасибо за всё. Извините, что так засиделся. Очень уж мне у вас понравилось. Как дома в детстве, хотя ничего подобного в моём детстве не было, я осиротел в Смутные Времена и жил с тёткой, служившей стражницей в Нунде. Можно сказать, вырос на каторге – только не подумайте, будто я жалуюсь, там было очень неплохо, и с тёткой мы отлично ладили, просто совсем не похоже на уютную семейную жизнь, вроде вашей. А всё равно здесь у меня возникло такое чувство, словно не в трактир зашёл, а вернулся домой, потому и не хотелось от вас уходить. – Он окончательно смутился и добавил: – Я, наверное, ещё приду, если можно.

– Да где же вы видели трактир, в который нельзя вернуться? – улыбнулась леди Лари. – Обязательно приходите. Мы будем вас ждать.

– Как дома в детстве, хотя ничего подобного в моём детстве не было, – задумчиво повторил Кофа после того, как клиент вышел. – Да, пожалуй, это наиболее точное описание впечатления от посещения вашего трактира. Что-то похожее здесь испытываю и я.

«И я», – сказал я ему, воспользовавшись Безмолвной речью. Сам не знаю, почему не решился произнести это вслух. Ни за что не угадаешь, когда на тебя нападёт очередной приступ застенчивости. Хотя, казалось бы, давным-давно пора им пройти насовсем.

– Ради этого всё и было задумано, – улыбнулся Дигоран Ари Турбон. – В этом основной смысл «Света Саллари».

– Объясните, – потребовал Кофа.

– Ну, я же не знал заранее, что наш Кадди так быстро научится вкусно готовить, – признался тот. – Думал, уж чем-чем, а простой едой жителей Ехо точно не удивишь. И спрашивал себя: зачем нам вообще открывать трактир? Что мы можем предложить людям – такого, чтобы им у нас понравилось и даже захотелось вернуться? И тогда мне пришло в голову, что может быть им – то есть, вам – будет так же хорошо рядом с нами, как нам друг с другом? Дома, в Саллари, соседи часто приходили к нам в гости, чтобы скоротать вечер за разговорами и игрой в «Злик-и-злак». Говорили: уж больно славно с вами сидится. Спокойно и душевно. Вот я и подумал – может быть, в Ехо такого тоже не хватает? Мест, куда можно прийти, как домой и отдохнуть сердцем.

– Да, это был правильный расчёт, – кивнул Кофа. – Готов спорить, к вам все клиенты возвращаются. Даже те, кто впервые зашёл сюда, когда Кадди был не в настроении. Я сам, если помните, так влип.

– А я в тот вечер как раз умудрилась испортить бутерброды, – рассмеялась леди Лари. – Бутерброды! Это был провал такого масштаба, что его, думаю, можно считать своего рода успехом.

– Но как? – изумился я. – Съедобные бутерброды даже я сделать способен, хотя о моей кулинарной бездарности слагают легенды. Как их вообще можно испортить?

– Да проще простого. Взяла по рассеянности сладкое масло вместо обычного, и всё отлично получилось. Видели бы вы своё лицо в тот момент, когда распробовали эту гадость, – ласково сказала она Кофе. – Я была уверена, что сейчас вы или хлопнитесь в обморок, или просто отправитесь за полицией и потребуете арестовать меня за попытку отравления. Но вы были так снисходительны, что даже заплатили за свои страдания. И вернулись на следующий же день – вот уж чудо так чудо! К счастью, Кадди тогда испёк отличный омлет Отшельника и сгладил первоначальное впечатление.

– На самом деле я тогда вернулся с подарком, – ухмыльнулся Кофа. – Принёс вам нормальное масло. Собирался объяснить, что оно у нас продаётся в любой лавке и стоит втрое дешевле сладкого. Жалко вас стало, подумал: наверняка бедную чужестранку обманули недобросовестные торговцы, и вы с их слов решили, будто никакого масла, кроме сладкого в наших краях нет. Пока сами поймёте свою ошибку, трактир трижды успеет разориться, а это будет досадно, место-то славное, где ещё в столице вот так за общим столом, как в деревенском доме посидишь... Но всё это вылетело у меня из головы, стоило учуять запахи, долетавшие с кухни. Я даже масло из кармана не вынул, так и ходил с ним потом до утра. Околдовал меня ваш повар, не иначе.

– Спасибо, – сказал ему Кадди. – Так приятно получать похвалы из ваших уст! На рынке мне рассказали, что вы очень строгий ценитель.

– Только не вздумайте заключить, будто у вас уже всё получилось, и придумать себе новое занятие. Пока вы всего лишь немного усовершенствовали некоторые традиционные блюда урдерской кухни. Все ваши настоящие кулинарные достижения ещё впереди.

– Ох, я на это надеюсь!

Синяя птица, задремавшая было у ног своего любимца, внезапно пробудилась и огласила трактир душераздирающим скрежетом. Вероятно, это означало, что пришло время снова её покормить.

– Видишь, всё у тебя будет отлично, – сказала повару леди Лари. – Птичий крик – всегда добрый знак.

– Тогда надо приучить Скрюух орать почаще, – предложила Иш. – Чтобы от добрых знаков уже просто некуда было деться!

– У вас щёки позеленели, – шепнул я своему соседу. – Зря вы говорили, что с годами всё реже.

– Ну всё-таки не каждые полчаса, как в детстве, – улыбнулся он. – Но хвала свету зримому, иногда случается. Обычно дома, по вечерам, когда все мои собираются за столом. – И с простодушной откровенностью добавил: – Очень их люблю.

– Ни на миг не сомневался, что тебе понравится, – говорил мне Кофа полчаса спустя, когда мы всё-таки покинули гостеприимный «Свет Саллари».

– Да, отличные у меня соседи. И с причудами, всё как я люблю. Спасибо, что открыли мне это место. Можно теперь хоть каждый вечер бегать из одного приюта безумных в другой, от говорящей собаки к скрипучей птице и обратно. И Базилио обязательно надо к ним отвести. Хозяйкой дома она у нас уже стала, пусть теперь учится быть гостьей, которой всегда рады.

– Это чрезвычайно полезный навык, – согласился Кофа. – У юной барышни развлечений должно быть хотя бы вдвое больше, чем обязанностей, особенно если она склонна путать одно с другим.

– Слушайте, а чем занимается глава семейства? Ну или не глава...

– Ди? Да, он, пожалуй, именно что глава. Лари его младшая сестра. Иш – племянница, а значит, дочь, или сын, как хочешь, так и назови, ещё одного их брата или сестры. Понятия не имею, почему она живет не с родителями, а с дядей и теткой, но вместе им хорошо, а это главное. И повар, хоть формально им не родич, тоже явно на положении члена семьи – ну, ты сам видел. Они же, получается, из-за его учёбы сюда переехали, а так даже ради любимых братьев и сыновей мало кто готов поступить. Кстати, дом под трактир арендован на имя Ди, я уже справлялся, а значит, и деньги его, в этом смысле у выходцев из Чирухты всегда всё прозрачно: кто платит, тот и ставит подпись. Когда арендуют или покупают вкладчину, то и подписей обязательно несколько, для них очень важно полное соответствие документов истинному положению дел. Так что да, Ди у них старший, с какой стороны ни посмотри.

– Ясно, – нетерпеливо кивнул я. – Но чем он всё-таки занимается? Наверняка вы уже выяснили.

– Да насколько я знаю, ничем особенным. По утрам помогает своим в трактире, а после полудня просто гуляет. Изучает город и окрестности, – пожал плечами Кофа. – Как наверняка поступили бы и мы с тобой, окажись в чужой стране, где никогда прежде не были, с деньгами на карманные расходы и кучей свободного времени.

– Но когда человек говорит, что дела пошли не совсем так, как планировалось, вряд ли речь идёт просто о познавательных прогулках.

– Ну, смотря, какой человек. Для некоторых упрямцев не найти заинтересовавшую их достопримечательность или нарваться там на сторожа-грубияна – грандиозное нарушение планов, практически катастрофа... Но Ди, по моему впечатлению, совсем не таков, а значит, ты прав. Попробую разузнать подробности. Это, по меньшей мере, любопытно.

– Вот! – обрадовался я. – А ещё мне интересно, почему он до сих пор не сменил костюм. Леди Лари носит лоохи, хотя как хозяйка урдерского трактира как раз могла бы покрасоваться в традиционной одежде для привлечения публики.

– Я ей то же самое советовал, – улыбнулся Кофа. – Но Лари – модница. Говорит, глупо переехать в другую страну и не носить местные наряды, тем более, когда они тебе к лицу. И Кадди туда же – решил, что если он будет одеваться как наши повара, то и готовить станет легче. Впрочем, в каком-то смысле он прав. Костюм, хотим мы того или нет, влияет на наше душевное

состояние, поэтому когда пытаешься освоить угуландскую кухню, одеться соответствующим образом – не самая глупая идея.

– Ну видите, – подхватил я. – А Ди почему-то ходит в урдерском костюме, как путешественник, который здесь проездом. Хотя они же, как я понял, надолго приехали?

– Вроде надолго, – задумчиво согласился Кофа. – Но кстати, Ди не всегда ходит в своих заморских нарядах. На рынок за продуктами для трактира – только в лоохи с капюшоном, под которым прячет причёску. Говорит, чтобы не пытались обсчитать. А гулять, по его словам, гораздо удобней, когда выглядишь приезжим. Потому что если случайно, по незнанию, нарушишь какие-нибудь местные правила хорошего тона, всем сразу станет понятно, что ты не хам, а просто иностранец. И никаких проблем.

– Жаль, мне такая идея в своё время в голову не пришла. Впрочем, Мантия Смерти выполняла примерно ту же функцию... Слушайте, а про белое лицо вы уже сами всё поняли и ждёте, когда я спрошу?

– А что именно я должен был про него понять? – удивился Кофа.

Причём, насколько я успел его изучить, совершенно искренне удивился. Хотя, конечно, возглавлять список самых проницательных знатоков человеческих душ мне пока, мягко говоря, рановато.

– Ярмарочный полицейский доложил, что у человека, которого он потом застукал в палатке пророка с ножом, было полностью белое лицо. Я же рассказывал на совещании.

– Ах вот ты о чём, – оживился Кофа. – Слушай, а возможно это и есть ответ на вопрос, куда подевался отец Иш. При условии, что он – именно отец, а не мать...

– Что?!

– Не притворяйся болваном, сэр Макс. Если проклятие распространяется на всю мужскую часть семьи, человек с лицом необычного цвета имеет неплохие шансы оказаться близким родственником наших трактирщиков. Неужели тебе самому не очевидно?

– Но он же потом исчез, – напомнил я. – Как будто Тёмным путём ушёл или просто проснулся.

– Ну а почему бы человеку, о котором нам с тобой ничего не известно, не ходить Тёмным путём? И, уж тем более, не вижу никаких препятствий для его прогулок по Нумбане во сне, – пожал плечами сэр Кофа. – Мало ли чем он занимается, пока его родня нам с тобой суп варит? От Урдера до Тубура, насколько я припоминаю, несколько дюжин дней пути. Не близко, конечно, но и не то чтобы такое уж серьёзное препятствие. Наверняка тамошняя молодёжь грезит о сновидческих подвигах и копит деньги на учёбу в Тубуре, в точности, как ребята из Бахри и Лохри мечтают попасть к нам, в Угуланд... Всё, сэр Макс, вот твой дом, а у меня встреча на улице Маленьких Генералов всего через полчаса. И хотелось бы добраться туда собственными ногами, потому что Тёмным путём я сегодня уже находился, больше не хочу, а амобилер ждать дольше, чем потом ехать.

– Можете взять мой, – предложил я. – Мне сегодня вряд ли понадобится.

– Спасибо, это очень кстати.

Кофа развернулся было к амобилеру, но я его остановил.

– Ещё остаётся птица.

– А что не так с птицей? – нетерпеливо спросил Кофа.

– Где Ди взял птицу сыйсу, если гулял по Ехо? Ну или ладно, предположим, он добрался до пригородных лесов. Но там тоже никто никаких сыйсу отродясь не видел.

– Во-первых, откуда такая уверенность? Может, и видели, да нам с тобой не сказали. А во-вторых, она скорее всего домашняя, вон какая ручная. Скорее всего, жила в чьём-нибудь саду в пригороде, сбежала от хозяев, тут же сдуру нарвалась на охотников, вот и всё.

– Ну, может быть, – неохотно согласился я.

– Эй, а ты чего вообще к Ди прицепился? – рассмеялся Кофа. – То тебе подозрительно, это тебе не так. А мне показалось, он тебе понравился.

– Очень понравился, – кивнул я. – Но это тоже не свидетельствует в его пользу. Если учесть, что самое сильное впечатление на меня в своё время произвёл Лойсо Пондохва, одной моей симпатии достаточно, чтобы, не задумываясь, упечь человека в Холоми – найдётся за что.

Сэр Кофа одобрительно ухмыльнулся, пожелал мне хорошей ночи и укатил по своим делам. Однако выражение его лица мне очень понравилось. Обычная маска благодушия сменилась благодушной же заинтересованностью. Следовательно, есть надежда, что уже буквально завтра мой коллега будет знать о прогулках владельца урдерского трактира всё, что только можно выяснить. А что нельзя – тоже будет, конечно, просто не так скоро. Послезавтра, например. И тогда я... А что, собственно, тогда?

По крайней мере, тогда я буду точно знать, что этот славный человек с разноцветным лицом – настоящий. В смысле, не притворяется таким замечательным ради каких-нибудь неведомых целей, а действительно такой и есть. Это важно. Когда мне кто-то так сильно нравится, он должен быть настоящим. Просто обязан. В этом вопросе мне лучше не перечить, я – опасный воинствующий идеалист.

Впрочем, переступив порог Мохнатого Дома, быть опасным я тут же перестал. Сложно представлять собой хоть какую-то опасность, лёжа на спине и с переменным успехом отбиваясь от собственного пса, который только что повалил тебя на пол специально для того, чтобы в спокойной обстановке как следует облизать твой ловко уворачивающийся нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.